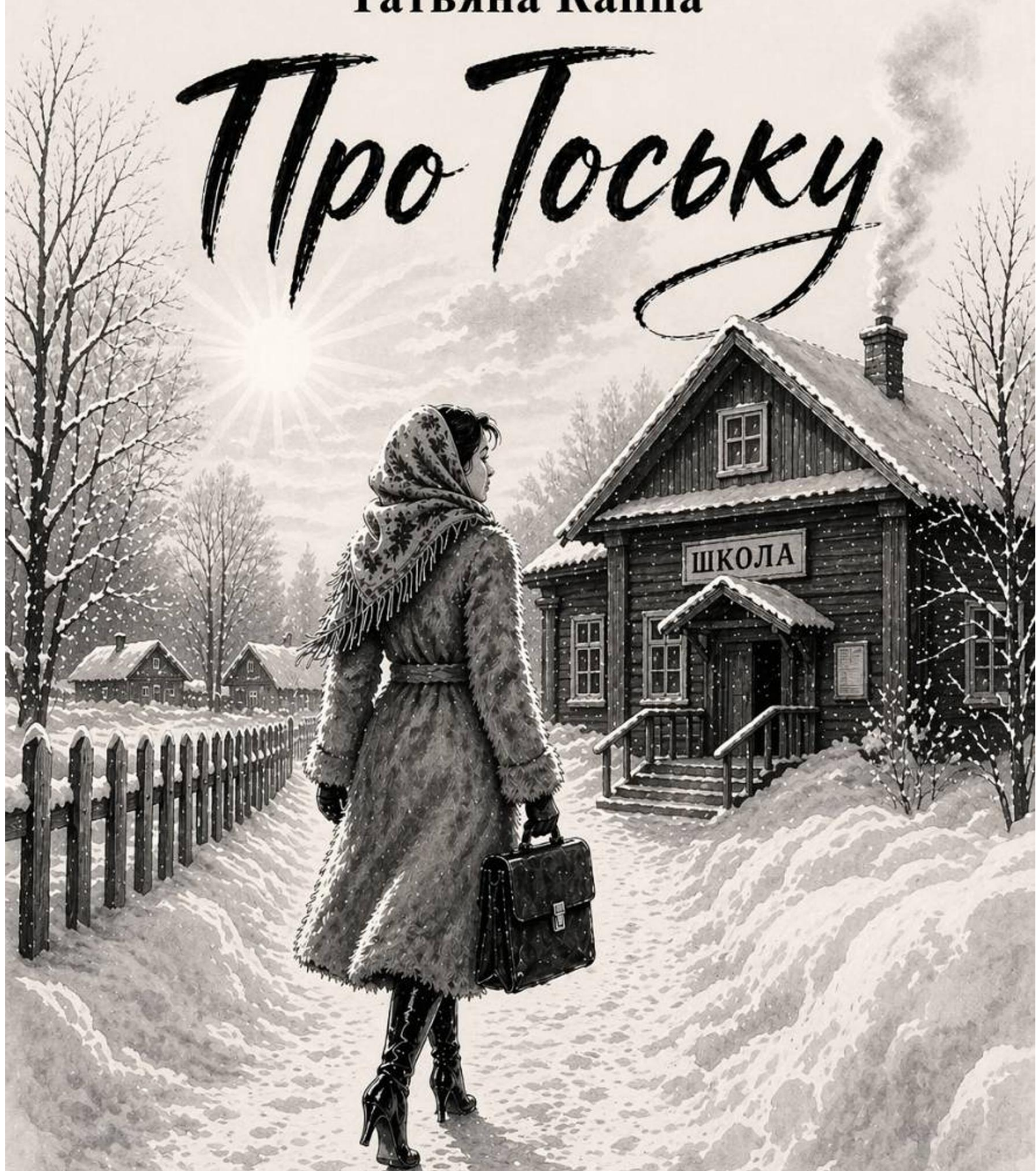

Татьяна Каппа

Про Тоську

книга 1.

Учителька

Начало историй Антонины Найденовой

Татьяна Каппа

**Про Тоську. Книга
1. Училка. Сибирь**

«Автор»

2026

Каппа Т.

Про Тоську. Книга 1. Училка. Сибирь / Т. Каппа — «Автор», 2026

Сибирь 70-х годов. Уже уходит в прошлое память о работе выпускников институтов по распределению, что тогда казалось равноценно ссылке в Тмутаракань с бессмысленностью прожитых там лет, выброшенных из молодой жизни «коту под хвост». Для главной героини повести Тоськи, учительницы русского языка и литературы – это время стало началом ее взрослой самостоятельной жизни, интересной, наполненной событиями и приключениями: любовными, смешными, опасными, почти детективными... Самобытность деревенских жителей, сельских учителей, учеников, городских «училок», отбывающих трудовую повинность, встречи, влюбленности и разочарования – глазами красивой романтической «училки» Тоськи...И поиски себя... Кто я? Зачем я? Почему у меня всё так? Повествование заканчивается отъездом Тоськи из сибирской деревни, где она прожила, как поняла потом, самое лучшее и беззаботное время.

© Каппа Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Трилогия	5
КНИГА ПЕРВАЯ	6
Училка. Сибирь	6
1. Дятел	7
2. Роза вуду	27
В Новосибирске	39
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Про Тоську. Книга 1. Училка. Сибирь

Трилогия

Исполнен долг, завещанный от Бога
Моей женой так нудно принужденный...
Пописывай, не мудрствуя лукаво,
О том, что смог увидеть пред собою,
А что узреть не смог – молчи покорно
И трепетно сноси насмешки черни.
Ведь ты – Поэт! Не дорожи толпы суждением!
Лишь Бог тебе судья – Он – милосерден...

(Б.Б.)

Память цепка, всё помнится как было,
но воображению подвластно то, как могло бы быть,
и оно прорывается, чтобы оттенить то, что было.

Посвящаю моему поколению, которое уходит...

КНИГА ПЕРВАЯ

Училка. Сибирь

1. Дятел

Стайка синиц пролетела куда-то по своим пустяковым делам. Дятел проводил их взглядом и остановился, чтобы перевести дух. Он сидел на осине, крепко вцепившись в ствол дерева острыми когтями и, упираясь хвостом, долбил кору крепким клювом. Осину еще с лета подточили жуки-короеды. Дятел извлекал их из-под коры своим длинным язычком. Он набирался сил для длинной «барабанной» дроби, которую должен будет исполнить в конце зимы, чтобы привлечь внимание и очаровать самую симпатичную самочку. Потом они будут выбирать место для гнезда, и, выбрав, дятел сообщит об этом всему лесу двоянным ударом – гораздо более тихим и спокойным. А потом появятся дятлята. И они будут кормить их по очереди, а малыши будут тянуть к ним свои раскрытые клювики...

Дятел был красив. Пестренький, с красными, похожими на капельки крови перышками на голове и в подхвостье. Такого цвета бывают осенью маленькие кленовые листья.

Людей дятел не боялся. Места здешние любил. Здесь было спокойно. Была еда. И были планы на конец зимы. Планы на жизнь.

Внимание дятла привлекла легковая машина, проезжающая по дороге в деревню. Он скосил на нее глаз. Серая машина скользила по накатанной снежной дороге бесшумно, как сани.

Деревенские машины он знал. Все они были громоздкие, шумные, дребезжащие... Но свои. А эта чужая. А чужое – всегда опасно! Дятел на всякий случай переместился на другую сторону ствола и продолжил свое занятие...

Машина въехала в деревню и остановилась около школы, которую легко было отличить от остальных домов. Водитель пытался определить по нарисованной от руки карте, как искать избу, где он должен был остановиться.

В школе шли уроки.

Учительница стояла у окна. Смотрела на машину.

«Номера новосибирские», – отметила она. Вспомнила, как в прошлом году жулики из Новосибирска обманули их директора Владимира Трофимовича, выпросив иконы из школьного музея якобы для выставки.

«...Международной», – усмехнулась, вспомнив тот случай. Вернулся тогда в школу Владимир Трофимович уже один, вспотевший от общения с городскими людьми «на равных» и довольный, что справился с этим.

– Всё. Взяли. Понравилось. Сказали, что нигде такого музея не видали. Вот ведь можем же, когда хотим!

– А что взяли?

– Понравилось всё. Но взяли только иконы.

– А расписку-то они написали? Документы свои показали?

– Ну... Как это... Неудобно, – смутился директор.

– Жулики какие-нибудь!

– Как-то у нас всё с недоверием, Антонида Екимовна. Люди – с областного музея! Городские! Культурные! Обещали вернуть иконы сразу после выставки. Международной, между прочим!

– Облапошили вас эти городские...

Жалко тогда было не иконы, а простодушного, доверчивого директора.

«Может, стыдно им стало? Приехали, чтобы вернуть?» Она и сама была простодушна и доверчива.

Ученики писали сочинение, и у нее было время думать о всякой чепухе.

Водитель тем временем разобрался с картой, и машина уехала.

Учительницу звали Тоня. Она приехала сюда после института. По распределению.

Пошел третий год, как она учит деревенских ребятишек русскому языку и литературе. В деревне и школе ее называют Антонида Екимовна. Подружки между собой – Тоськой, как звали в детстве.

Здесь ей всё нравилось. Даже деревенский быт без удобств: печка, колодец, дрова, нужен на улице. Она была молодая, здоровая, сильная и со всем этим справлялась. Ее сегодняшняя жизнь была понятна для нее и бесхитростна. В будущее она не заглядывала.

А еще она была красивая. Ученикам это нравилось. Они любили смотреть на нее во время урока, разглядывали ее одежду, прическу, модную сумочку-саквояжик из искусственной замши кофейного цвета. Сумочка была красивая, с пластмассовыми ручками и действовала на учеников просто гипнотически. Тоська ее купила летом в Москве на ВДНХ, в чешском павильоне.

Ученики любили Антониду Екимовну за доброту, за интерес к ним, за красивую улыбку и старались ничем ее не разочаровывать.

Она стояла у окна, любуясь зимним лесом, белыми сугробами, обступившими школу. Голубоватый свет от снега заполнял класс, ученики тихо сопели и писали сочинение: «Зима в стихотворениях Пушкина». Было тепло, уютно.

И на душе – спокойно и светло.

Когда урок закончился, она собрала тетради и пошла в учительскую.

– Товарищи учителя! Всем внимание! Напоминаю, что сегодня в клубе состоится репетиция концерта. В семь часов! Явка всех обязательна! Без опозданий! Молодежь, слышите? – непрерывно оповещала всех завуч школы Таисия Матвеевна, женщина крупная, с лихорадочным цветом лица, зычным голосом и темпераментом, которого было, пожалуй, даже чересчур. Она руководила хором учителей и сама составляла репертуар из песен высокого идейного уровня, напевных, про Родину.

Городские училки с удовольствием пели в хоре: «Зацветает сте-епь цвета-а-ми...» На вопрос, чья это песня, Таисия Матвеевна с шумным хлопаньем утирала нос ладонью (за ней водилась такая привычка), неопределенно пожимала полными плечами и авторитетно отвечала:

– Народная, чья же еще...

Таисия Матвеевна знала всё. Она была всесторонне образованным завучем. И даже – более того...

Однажды ее за организаторские успехи наградили грамотой и послали в Новосибирск на какую-то конференцию. Вернулась Таисия Матвеевна недовольная. Привычным жестом утирая нос, она с возмущением делилась с коллективом своими впечатлениями.

Как человек культурный, она сходила в филармонию. Исполняли Первый фортепианный концерт Чайковского, но первая скрипка – тут Таисия Матвеевна морщилась, как от зубной боли – так страшно фальшивила, что она не смогла дослушать концерт и вынуждена была уйти.

– Надо же! Что делается-то! – учителя сочувствовали завучу, возмущались первой скрипкой и осуждающе качали головами.

– И еще, – воодушевляясь их поддержкой, продолжала вспоминать свои обиды завуч, – по радио передавали концерт для нас, награжденных. И для меня исполнили... Что бы вы думали?..

Учителя уж не знали, что и думать. Таисия Матвеевна выдержала паузу и с возмущением объявила:

– «Увертюру к «Детям капитана Гранта»! И, с недоумением пожав плечами, объяснила:
– А я терпеть ее не могу! Что, организаторы не могли узнать у меня, что я хотела бы услышать? Мою самую любимую... – обвела она глазами учителей.

– Неужели народную песню «Зацветает степь цветами»? – еле слышно прошептала Тоська соседке, профессионально сохраняя на лице внимание: завуч ревниво следила за реакцией учителей.

– «Венгерскую рапсодию» Листа! – объявила завуч, как нечто само собой разумеющееся. Как если бы она спросила, кто у нас главный поэт...

– Да... Вот ведь как бывает, – учителя уважительно закивали головами.

Таисия Матвеевна ошибалась: у народной песни были авторы. И это вскоре выяснилось. Вечером репетировали в клубе. Там стояла холодина, все были в пальто, платках и пимах, так здесь называли валенки.

Коллектив был «спетый и спитый», как шутили между собой городские училки: пел коллектив и в застолье, и на сцене без музыкального сопровождения. Баян в клубе был, но никто в деревне на нем играть не умел, и он стоял в шкафу, как говорили, под ключом.

Жаркая Таисия Матвеевна с лихорадочным румянцем, в распахнутом пальто и съехавшем с головы пуховым платке воодушевленно дирижировала хором и солировала. Голосистая Тоська стояла в первом ряду. Она же вела конферанс. У нее это хорошо получалось.

В зале сидели зеваки, из деревенских.

– Народная песня «Зацветает степь цветами!» – мастерски копируя профессиональных ведущих, объявила Тоська. – Исполняет хор учителей. Па-а-просим, товарищи!

В зале захлопали, а когда хлопки утихли, в наступившей тишине раздался негромкий, но отчетливый голос:

– А почему народная?

– Это кто там у нас умничает? – как на уроке повернулась в зал Таисия Матвеевна и утерла нос привычным жестом. – Ну-ка, встанем, покажемся.

С задних рядов встал молодой незнакомый мужчина. Не деревенский.

– Ну? И чья же она, если такой смелый? – наступала Таисия Матвеевна.

– Ну, в общем, не трус. Это песня Мокроусова на слова Фатьянова. Вы разве не слышите, что она профессионально написана? Только зацветает степь – не цветами, а – лесами. Там же рифма: «лесами – сами». Он улыбнулся и добавил: – Так вы ее действительно народной сделаете!

– Вы из районо! – догадалась и бдительно прищурилась Таисия Матвеевна.

– Нет. Увы...

– Тогда вы что же? Композитор? Или, может быть, поэт? – не сдавалась завуч. В ее голосе уже звучала ирония, готовая превратиться в сарказм.

– Нет, просто я немножко музыкант. Играю... Аккордеонист.

– А на баяне играете?

– Могу и на баяне.

Что тут началось! Все учителя, и старые, и молодые запрыгали, захлопали и хлопотали.

Таисия Матвеевна открыла шкаф. Был извлечен баян. Физрук Сашка с лаборантом Колькой прыгнули со сцены в зал, толкаясь и путаясь пимами, подскочили к музыканту и, подхватив его под руки, потащили на сцену.

Там усадили на приготовленный стул, принесли и водрузили ему на колени баян.

– Песня! – еще раз громко и торжественно объявила Тоська в полупустой зал. – Не народная! «Зацветает степь не цветами, а лесами»! Слова Фатьянова и наши. Музыка Мокроусова! Исполняет хор учителей. Солист и художественный руководитель – лауреат всерайонного кон-

курса учителей, завуч школы села Покровское наша Таисия Матвеевна. Аккомпанирует на баяне... Как вас объявить? – повернулась она к музыканту.

– Объявите просто, – принял он игру, – мол, бывший лауреат всероссийского конкурса аккордеонистов и баянистов. В настоящее время – инженер из Новосибирска. Старший, разумеется. Лауреат квартальной премии. И, по совместительству, деревенский баянист села Покровское. Юрий Петрович! Можно – Юра.

– Па-а-просим, товарищи! – закончила Тоська.

– Ура Петровичу! – заголосил хор. Назвать просто Юрой такого ценного человека никто не решился.

В зале хлопали и тоже орали: «Ура-а! Даешь Петровича! Петрович!»

Баянист уселся поудобнее, артистично подержал паузу, профессионально взял первые аккорды, проиграл вступление, кивнул солистке. И Таисия Матвеевна взволнованно, немножко надрывно вступила, вцепившись руками в пуховую шаль на полной груди и от волнения забыв про «лесами». Впрочем, она должна была еще сама уточнить правильность замечания баяниста.

– Зацветает степь цве-е-тами. А вокруг сады цве-ету-ут...

– Это сделали мы сами, это наш колхозный труд, – вступила Тоська.

– Земля моя раздольная, широкие поля... – грянул припев хор.

Зал, полупустой и случайный, не избалованный искусством, пусть самодеятельным, завожено слушал.

А Таисия Матвеевна всем телом, и руками, и лицом, и глазами продирижировала пиано, и хор послушно медленно стих, но лишь на мгновение, чтобы даже не перевести дух, а настроиться для второго куплета. Музыкант виртуозно повторил проигрыш припева на баяне.

Это было грандиозно!

Репетиция продолжалась. Баянисту не дали отдохнуть.

Молодые училки начальных классов Василиса с Полиной вспомнили студенческую песенку про кораблик детства. Под аккомпанемент баяна простенькая песенка зазвучала обещанием стать деревенским шлягером на все времена.

Павел Максимович, учитель ботаники, старенький, уже на пенсии, сбегал домой за деревянными ложками и, виртуозно треща ими, исполнил под баян несколько задорных плясовых. Лаборант Колька вдохновенно, хоть и невпопад, стучал по пустым бутылкам, выстроенным рядом, как трубы органа в Домском соборе.

Талант и вдохновение баяниста поднимали самодеятельность учителей на новый уровень.

Из зала рвались энтузиасты тоже показать свой талант и разделить успех выступающих.

– Только учителя, товарищи, – останавливала их Таисия Матвеевна, не желавшая делить успех с кем бы то ни было. – Это концерт только учительских талантов!

Физичка с математичкой лихо сплясали «Барыню».

Стучали в пол каблуками давно не надеванных туфель, юбки закручивались вокруг ног и открывали коленки... Музыкант залихватски играл стоя и, где надо, вступал в пляс. Он шел на одну ногой – ах, ах, ах, а она сама по себе, вздернув подбородок, шла от него, поигрывая согнутыми локтями, чтобы тут же с другой ноги пойти на него – ах, ах, ах!.. А он уже наступал на другую, и она, немного смущаясь, тоже шла сама по себе... Математичка Валентина Александровна плясала на сцене первый раз в жизни и поэтому робела.

– Даешь, Валь Санна! – подбадривали ее из зала. Настоящее ее имя-отчество Валентина Александровна никто из учеников не проговаривал. Скрадывая половину, называли коротко Валь Санна. Так в школе и повелось ее называть. Так называли ее и подруги.

Тоська в это время сбегала домой за гитарой. Отдышалась, вышла на сцену.

В зале захлопали. Ее пение любили.

– Песня на романтические стихи Блока «Мы встречались с тобой на закате»!

Вступление на гитаре, баянист тут же подстроился, и «весло, рассекающее залив... догорающие свечи... безмолвные встречи...» – выразительно оттенились взволнованными перепевами баяна. Петрович был мастер.

– Про Лукоморье! Антонид Екимна! Спойте! Про Лукоморье! – тут же закричали из зала, как только она закончила петь.

– Это про какое Лукоморье? Сказка Пушкина? – уточнила у нее Таисия Матвеевна.

– Скорее, антисказка...

– Никакой анти!

– Про Чуду-Юду! «А принцессу мне и да-аром ня нада...»! Антонид Екимна! – зашумели в зале, поняв, что Лукоморье запрещено.

– Никаких принцесс! – не сдавалась завуч. – Тишина в классе, то есть в зале! Теперь очередь хора. Строимся, товарищи, на хор. Юрий Петрович, где ваш стульчик? Садимся поудобнее. Антонида Екимовна, объявляем следующую!

– А сейчас в исполнении хора прозвучит «Бодрый марш», не оставляющий места пессимизму в нашей жизни, – выйдя вперед, объявила Тоська, отвлекая внимание от подробностей авторства, которого не знала.

Таисия Матвеевна энергично взмахнула пухлой рукой.

– Надо. Надо. Надо нам. Ребята. Жисть. Красивую. Прожить... – грянул хор.

«Жисть», как и «исть» легче ложилась на язык сибиряков. Так и пели. Ведь были же «сами-лесами»...

В конце репетиции физрук Сашка, не выдержав общего творческого подъема – «эх, была не была», только что шапкой оземь не ударил, – показал себя в акробатическом этюде под тягуче-органные звуки «Утомленного солнца», которые волшебным образом извлекал из баяна Петрович.

Все замерли. Выступление волновало. Живая эротика! Сашка был по-мужски красив. Звуки танго искушали даже искушенных.

Баянист Петрович стал героем дня. Его полюбили все, раз и, казалось, навсегда.

После репетиции Петрович пошел провожать училок. Его пригласили выпить чаю. По-городскому. Они жили втроем: Тоська, математичка Валь Санна и физичка Таня.

Юрий Петрович с интересом разглядывал их обиталище, вызывавшее удивление односельчан: декоративные коряги, подвешенные на стене в виде полочек, настенную живопись, которую они называли фреской. А чем не фреска? Стена была оштукатурена. И по штукатурке гуашью от самого пола проросло дерево с разноцветными кругами вместо листьев. Фреска радовала глаз. А возможность творчества поднимало настроение. В творческих планах были еще голубые облака из синьки. «Осень» – прокомментировала фреску Тоська. Петрович с пониманием кивнул:

«...презренной прозой говоря, в деревне скучно...»

Потом он осмотрел пузатую зеленую бутылку без донышка под названием абажур, их гордость, потрогал ее пальцем, качнул, и по стенам забегали причудливые тени...

Хозяйки предстали перед Петровичем как натуры, скорее, творческие, чем хозяйственные. Что тут же подтвердилось: пить чай было не с чем.

Петрович улыбался. Ему нравились эти молодые, веселые, нехозяйственные училки, особенно одна из них.

Статус училок в деревне получали выпускницы пединститутов, приезжавшие отбывать распределительную повинность и не обзаведшиеся хозяйством.

Как говорил начальник отдела НИИ, где работал Петрович, безалаберность молодости – это не диагноз: с возрастом проходит. А вот вязание шапочки из мохера в общественном транспорте – это уже диагноз! «Тут есть за что подумать!» – предостерегающе-шутливо поднимал он палец.

Между тем девчонки пошарили «по сусекам». Нашли блинную муку. Решили жарить блины. Оказалось, что Петрович это умеет делать гораздо лучше, чем они.

Пока вымешивал тесто, потом ловко наливал его на сковороду, успел рассказать немного о себе: заядлый охотник, приехал, чтобы поохотиться. Ехал на своей машине, с приключениями. А уж какие были веселые случаи на охоте!..

Девчонки смеялись.

Наконец, Петрович переложил последний блин со сковороды на тарелку. Повернулся от плиты:

– Прошу!

И поставил тарелку на стол.

Хозяйки тут же разлили чай по чашкам и принялись за блины.

– Петрович! – прожевав первый, сказала Тоська. – Необыкновенно вкусно!..

– Как дома!

– Проси за них, что хочешь!..

– Хочешь, возьми коня любого...

– Возьми любой шатер!.. Ммм...

– Любое желание!..

– Сам-то тоже ешь! Что ты только чай пьешь! – Тоська положила на тарелку блинчик, придвинула ее к Петровичу и улыбнулась. – Вдруг вспомнилось об исполнении любого желания! Вернее, о его несостоявшемся исполнении... Помните?

– А-а... ты про отгадывания слов? – улыбнулись и девчонки.

– Да, – кивнула Тоська и, повернувшись к Петровичу, стала рассказывать: – У нашей подружки жених в армии. Они переписываются. И вот жених присылает ей письмо с таким предложением: давай, мол, посылать друг другу трудные слова и отгадывать их значение. Счет как в футболе. Кто проиграет, исполняет любое желание. Она согласилась. Вот присылает он ей первое слово... – Тоська поддержала паузу и, покачав головой, словно заранее извиняясь за жениха подружки, проговорила по слогам: – Эк-скре-мент. И развела руками.

Петрович улыбнулся.

– Молодой... И в армии скучно!

– Вот-вот... Вдгонку письмо пришло с извинениями: мол, его разыграли. Сам не знал, что слово означает.

– "Деды", наверное, развлекались...

– Наверное. Но это еще не всё!

– Ну-ну...

– Привезли в клуб фильм «Адъютант его превосходительства». Пошли мы смотреть. И когда батька Ангел с Тимкой захотели «экскремент» над пленными сделать, вместе с героями на экране засмеялись в зале одни мы.

– Как вынужденные специалисты по этому слову...

– А артист Папанов, глядя на нас с экрана, говорит: «Ты погляди, Тимка, опять смешливые попались!» И все в зале, как будто это к ним батька Ангел обратился, стали поворачиваться, чтобы посмотреть на своих смешливых. Хотя и так было понятно, что это «училки».

– Кто ж еще! Только им такое могут написать!

– А потом кто-нибудь из деревенских поинтересовался, что это за слово такое? – спросил Петрович, когда все отсмеялись.

– Рыжая Маня спросила. Ученица наша. Очень любознательная.

– И еще телеграфист Вольдемарт.

– Вольдемарт?

– Да.

– Он так себя назвал, когда знакомились, – объяснила Валь Санна. – Так и зовем. Он любит щегольнуть разными интересными словечками. А тут слово, от которого смеются. А он не знает. Тут же прибежал выяснять.

– Выяснил и что придумал... – подхватила Таня. – Поехал в район. Там у него какой-то дружок есть. Пошли в клуб, где «Адьютанта» показывали. Вольдемарт дождался эпизода с батькой Ангелом и «эксcrementом» и, как он сам потом рассказывал, в полной тишине заржал на весь зал. И все разом повернулись на его ржание! Смотрели, как он говорит, с уважением! А из первых рядов даже вставали, чтобы посмотреть...

– Это было его «звездное» ржание!

– И в районе его теперь называют не иначе как Вольдемарт Смешливый!

– Нет! Вольдемарт Ржущий!

И опять смеялись, держась за животы. Училки любили посмеяться.

А телеграфист Вольдемарт был легок на помине. Как только Петрович ушел, раздалось его топанье в сенцах и, громко стукнув в дверь, он ввалился в избу. Вольдемарт любил бывать у училок: он считал себя интеллигентом и нуждался в соответствующем общении. Он не знал ничего, кроме азбуки Морзе, но гордился перед ними, важничал, намекая на секретность своей работы: «Я ведь еще и уполномоченный», – часто говорил он им, значительно поднимая брови.

– Здоров, девчат! Как жисть молодая? – привычно спросил он.

– Цветем и пахнем! – привычно отозвались они. – Привет!

– Пахнете здорово! – Вольдемарт потянул носом. – Блины жарили?

– Угу! Вот один остался! Немного подгорел, – предложила Тоська блин, забракованный Петровичем. – Хочешь?

– А чо! Давай! – он аккуратно повесил свое драповое полупальто на крючок, сверху набросил белое шелковое кашне – предмет его гордости – и подсел к столу.

– Ммм... – голодный Вольдемарт поглощал блин, почти не жуя. – Ух, вкусно! Замуж тебе, Антонида, надо! Будешь мужа блинами кормить!

– Для этого замуж выходить? – ехидно уточнила Валь Санна.

– Ну не только... – хохотнул Вольдемарт и, подавившись, закашлялся.

– Во-от. Бог-то не Тимошка! – Тоська постучала кулаком по его спине и налила в чашку чаю.

– Всё... Всё... Уже прошло, – он отхлебнул из чашки и умиротворенно откинулся на спинку стула.

– О! Хорошо! Девчат, я чо пришел. Говорят, концерт скоро будете давать? Репетиция была. Плясали, пели. Чо? И на концерте тоже будете?

– Ну а для чего же мы репетировали?

– Ну не знаю... А может, и мне выступить?

– Давай! Морзянкой простучишь... «Не кочегары, мы не плотники...» – пропела Тоська.

– «... и сожалений горьких нет, так нет...» – подхватила Таня.

– «...а мы почтовые работники... И телеграфом шлем привет!...» – пропела Валь Санна и отбила пальцами морзянку по столу: – Та-та-там...

– Та-та-там... Та-та-там... – тут же подключились подружки.

– Ну я, конечно, не такой артист, как вы! – обиделся Вольдемарт и мстительно добавил:

– А вот скоро настоящая артистка приедет! Она вам класс покажет!

– Это кто ж? Неужто Нонна Мордюкова? – подбоченилась Тоська.

– Не... Получше вашей Нонны есть! – Вольдемарт выдержал паузу. – Я сегодня телеграмму отнес тетке Насте. Доча ейная, артистка, едет! Любаня, акробатка. Дядя Лёня уже лошадь с санями готовит, встречать в район поедет. Тонь, ты ж квартировала у них! Они чо, не рассказывали?

– А как же!

И Тоська показала в лицах: «Девка – самостоятельная, живет в городе, зарабатывает хорошо на фабрике... И в цирке выступает! По проволоке ходит! В газетах ее пропечатывают!»

– Ага, даже в областной! И фотки ее печатали! Я видел! – хвалился Вольдемарт.

– Ну и чо? – опять подбоченилась Тоська. – Про нас тоже писали и фотку, как ты говоришь, печатали. Ты ж сам нам газету приносил!

– Ну ты и сравнила! – он скривился. – Про нее пишут: из деревни в город приехала... В цирке выступает! И газета областная. А про вас чо? Из города — в деревню... И по проволоке не ходите. И газетка так себе, районная! – отомстил вредный Вольдемарт девчонкам за «морзянку».

Девчонки в долгу не остались.

– «По проволоке дама идет, как телеграмма!» – сложила губы бантиком Валь Санна. – Как раз по твоей почтовой части.

– «Она по проволоке ходила, махала белой ногой», и Вольдемарта страсть схватила своей мозолистой рукой! – тут же вспомнила Тоська.

– «А вдруг потом она обманет, ведь от нее беды не ждешь», – продолжила Таня. – Ах, бедный, бедный Вольдемартик, ведь сам по проволоке идешь!

– А ну вас... Чо вы? Ну вы чо? Я ж чо пришел... – вконец запутался Вольдемарт.

– Ну и чо ты пришел? Давай побыстрей! А то поздно уже!

– Ну чо... Любаня едет! Артистка. Вот. Ну концерт же намечается...

– Понятно! Хочешь, чтобы она нам класс показала?

– Ну!

– У нас свои классы есть, с пятого по десятый!

– Да я ж...

– Приводи, Вольдемарт, свою протезе! Пусть покажет, какой у нее класс!

– Сама ты протезе! – опять обиделся он.

– Ну ладно, не обижайся. Приводи свою Любаню.

Вольдемарт долго надевал тяжелое, на вате, пальто, сосредоточенно пристраивал под меховой воротник белое кашне. Медлил уходить. И наконец решился.

– Слышь, Антонида, а чо это за слово такое – протезе?

– Это Любаня твоя. Всем теперь можешь говорить, что она – твоя протезе.

– И чо теперь? – испугался Вольдемарт.

– А ничо! Не бойсь! Жениться после этого не обязательно!

Озадаченный Вольдемарт наконец ушел.

– Интересно, какая она, эта акробатка воздушная, которой мы в подметки не годимся? Тебе ее фотографии показывали?

– Только газетные. А там не разберешь. У всех лица одинаковые, из черно-серых точек. Приедет – увидим!

Таисия Матвеевна готовилась к репетиции. Ей нравилось руководить творческим процессом. Проверая замечания баяниста насчет авторства песни, она порылась на полках школь-

ной библиотеки и, к своему удивлению, нашла сборник стихов Фатьянова. А в нем – текст «народной» песни.

Да, песню они исполняли не совсем на его слова, а больше на свои. Но раз слова свои, значит песня – народная. Она всё правильно говорила! Логика у Таись Матвевны была безупречная.

Оповестить баяниста о следующей репетиции, назначенной на пятницу, завуч поручила Антониде Екимовне.

Петрович квартировал на самом краю деревни, «у деда». Старика все называли просто дед, без имени.

Тоська выяснила, как найти его избу, и после уроков пошла.

Низкая дедова изба была занесена снегом. Во дворе носилась безобидная драная собачонка.

Путаясь у Тоськи в ногах, она запрыгнула на крыльцо, залаяла и заскребла лапами по двери. Дверь была не заперта. Тоська прошла через сенцы, постучала. Никто не отозвался.

– Есть кто дома? – Тоська приоткрыла дверь.

Раздались шаркающие шаги, вышел дед.

– А? Чо нада? Заходи, девка, а то избу выстудишь!

– Здравсте, дедушка, а постоялец ваш дома? – Тоська вошла и закрыла дверь.

– Это чья ж ты будешь?

– Я – учительница. А охотник дома? Ну Петрович который...

– А... Не, нету... На охоте... А можа, и не на охоте...

– Дедушка, а вы ему не передадите про ре-пе-ти-цию в пят-ни-цу, – раздельно проговорила Тоська бестолковому деду. Он всё равно не понял.

– Рятица? Это чо за рятица?

Собачонка весело крутилась вокруг Тоськи. Та беспомощно стояла перед дедом и не знала, что делать.

– Я записку напишу. Передадите?

– Чой-то?

– Письмо ему! Я сейчас напишу.

– А-а... давай, – согласился дед.

Тоська вздохнула, достала лист бумаги и карандаш. Подумала и почему-то печатными буквами написала: «РЕПЕТИЦИЯ КОНЦЕРТА В ПЯТНИЦУ В 19 ЧАСОВ».

Положила листок на стол.

– Это отдайте охотнику Петровичу! Отдайте, когда он придет!

– А вот ентова я не знаю! Када захочет, тады и придет! – сокрушенно ударил себя по бокам дед.

Тоська только махнула рукой и пошла из избы, так и не поняв, предупредила она баяниста о репетиции или нет.

Но он сам заглянул к ним.

– Ой, как хорошо! – обрадовалась Тоська, – а то я заходила, а тебя не было. А деду так и не смогла ничего объяснить. Он тебе записку-то передал?

– Я сам нашел. Он ее уже на самокрутки хотел приспособить. А почему – печатными буквами?

– Это, наверное, после разговора с ним, когда я слова печатала, чтобы он понял.

– Да, дед занятный! – Петрович, улыбнувшись, выразительно щелкнул пальцами по шее.

– Посмотрите, что я вам принес! Сегодня в район ездил по делам. Вот заодно...

Петрович достал... настоящий абажур! Кремового цвета с белой бахромой!

– А то от этой бутылки как-то неуютно. Не против, если я его сейчас повешу? Пока не совсем темно.

– Что ты! Конечно, не против! Мы поможем.

– Нет-нет, я сам.

Он всё развинтил, снял бутылку, поставил ее в угол рядом с мусорным ведром и повесил абажур. Включил свет. В комнате стало светло и уютно, тени спрятались за печку и там затаились. Петрович улыбнулся. У него была хорошая улыбка.

– Но это еще не всё! – сказал он с видом фокусника. – Я печенье с вафлями принес. Чайку попьем? Вы заканчивайте свои дела, а я сам всё приготовлю.

– Петрович! Нет слов! Вот жена твоя счастливая!

– Счастье у кого-то впереди. В моих планах на жизнь. Я ишшо молодой, неженатый Жених, одним словом, – балагурил он и хозяйничал: поставил чайник на плиту, нашел чашки, высыпал в хлебницу печенье, вафли.

Девчонки так и не ушли по своим делам. Сидели за столом, под абажуром, и смотрели на Петровича. На его красивые умелые руки, улыбку... Как всё ловко у него получается! С ним было уютно и спокойно. Стали пить чай.

– Юр, расскажи о себе!

– Да рассказывать-то особо нечего. Всё как у всех. Родился, учился, вот только не женился, а теперь работаю. Всё.

– А почему не женился?

– Не встретил пока никого, – ответил Петрович и почему-то посмотрел на Тоську.

– А – лауреат конкурса?

– Подумаешь, лауреат! Что здесь интересного! – пожал он плечами. – Расскажите лучше вы что-нибудь про жизнь в деревне.

– Хм... Может, про тот случай с водкой? – девчонки переглянулись. – Случай, прямо детективный! Рассказать?

– Интересно!

– Ну так вот... – начала Тоська. – Это случилось, когда мы втроем: я, Василиса и Полина – снимали «угол» у тетки Насти с дядь Лёней. «Углом» служил такой закуток без двери, рядом с кухней. Дверной проем загораживала ситцевая занавеска. В закутке помещались две кровати и стол у окна.

– А как же вы втроем на двух кроватях?

– Я спала одна, как королева, а девчонки вдвоем, валетом. Не роптали. Еще в избе жила хозяйская доча Гала со своим мужем...

– У них еще одна доча есть. Старшая. Любаня. Прибыла на днях в деревню на санях. Вольдемарт доложил. Она – артистка, акробатка воздушная.

– В концерте выступать будет. Вольдемарт за нее уже хлопотал.

– А Гала мужа себе из Новосибирска привезла. Познакомилась с ним, когда он там срочную службу служил. А она училась на «булгахтера». Фамилия его – Пронькин. Хлестаков, чистый Хлестаков! Каждый вечер как встанет в дверях, как начнет трындеть... Уж наизусть знаем, и как он на «приписку» в Новосибирске вставал, кого-то там подмазав коньяком...

– И что, приписали Пронькина-то?

– Ну, наверное, раз подмазал. И что он шоферит лучше всех в районе... И что в армии «деды» его боялись, а «салаги» уважали... Всё слышали уже сто раз, а ему всё нейдет. Двери-то нет, не закроешь. А Гала ревнует. На нас злится! Не только, конечно, из-за Пронькина... Но дело не в этом. Пронькин вместе с дядь Лёней ездил в район за товаром и продуктами для сельпо. Как приедут ночью, сядут на кухне есть-выпивать и разговоры вести: дядь Лёня – громохочущим голосом, Пронькин – жидким тенорком. Пронькин всё пытается что-то значи-

тельное про себя объяснить. Но с дядь Лёней не забалуешь! Тот любит поговорить сам. У него так много вставных зубов, что он погромыхивает ими, когда говорит.

– Может, вставные челюсти?

– Может. Только у него их больше двух. Знаешь, как громыхает!

– Представляю...

– Не представляешь! – смеялись девчонки и звонко щелкали челюстями.

– Теперь сама история... – посерьезнела Тоська. И все со вниманием переключились на нее.

– Итак. Дело было зимой. Приближался Новый год. Дядя Лёня с Пронькиным поехали, как всегда, в райцентр за товаром, но к обычному времени не вернулись.

Появились уже под утро. Ввалились шумные, взволнованные, громогласные... Но как-то уж слишком – по-театральному... Перебивая друг друга, сразу стали рассказывать... В этот раз они везли водку. Получили как положено, с документами. Расписались, где надо. Их в райцентре всё начальство знает... – увлеченно рассказывала Тоська, уже изображая в лицах:

– Да, пап? Уважают. Всегда за руку!

– Сейчас не об этом!

Строго так глянул на него дядя Лёня, потом на нас: "Слышали про начальство?" – "А то!" – и продолжил:

– Загрузили цельный кузов ящиками с водкой. Сверху, как предписано, затянули брезентом. А как же! Правила знаем! Всё соблюдено! Поехали. Дорога дальняя, зимняя. Темная. Едем себе, едем...

– И вдруг какой-то грузовик обгоняет! – не выдержал Пронькин. – Чо за грузовик? Откель он взялся-то?

– Хрен его знает! Ну вот минуты три, нет, вру, четыре, – честно уточнил дядя Лёня, – едем с им бок о бок. Потом этот грузовик нас обгоняет и быстро так, вперед, вперед... А темень такая, ни хрена не видно, даже номеров не увидали. Вот, значит, приехали в деревню, брезент откинули...

Тут дядя Лёня держал паузу, как артист МХАТа. Мы аж дыхание затаили.

– Ну? – выдохнула тетка Настя.

– Ну! Баранки гну. А пяти ящиков с водкой-то нету! – страшно громыхнул он челюстями. А Пронькин тут же, с готовой версией:

– Это вот тогда, когда этот грузовик к нам прижался, один перескочил в нашу машину и другому в кузов ящики с водкой и перебросал! Вот умельцы-то! Да, пап?

Тетка Настя как заголосит:

– Чо теперича делать-та?

А дядя Лёня ей:

– Не вой! Завтра протокол составим с участковым. Списывать будем!

А Пронькин:

– Это районные, пап... Точно. Они видели, как мы водку получали под роспись.

И нам:

– Ведь бок о бок... А мы и не поняли... Э-эх!

И дядя Лёня подытожил:

– Они. Больше некому. Будем активировать!

Тоська пристукнула кулаком по столу.

Петрович улыбнулся.

– И что? Списали?

– Списали. Заактивировали. Участковый составил протокол. Мы как бы – «свидетели происшедшего со слов потерпевших»! Так участковый сказал.

– Кто-о-о?!!

– Участковый.

– Да я про свидетелей! Какие же вы свидетели? Ну вы даете!

– Да где уж нам! Это – они! А мы так, «свидетели происшедшего со слов потерпевшего»!

– Лихо! А в деревне что про это говорили?

– Завидовали.

И опять смеялись.

– Эх, девчонки, весело с вами. Даже идти к деду своему хмельному не хочется. Но надо.

Хотите, сыграю вам на гитаре на прощанье? Чтоб спалось хорошо?

– А ты и на гитаре играешь?

– Так, немного.

Тоська принесла гитару.

Петрович подстроил ее, опробовал. Взял несколько аккордов...

– На меня надвигается по реке битый лед... – запел, да так хорошо, что девчонки радостно взвизгнули, как поклонницы на концерте. – На реке навигация, на реке – пароход...

– Па-ро-ход белый-беленький,

дым над красной трубой...

Мы по палубе бегали,

целовались с тобой... –

они уже пели вместе с Петровичем.

– Пахнет палуба клевером,

хорошо, как в лесу.

И бумажка приклеена

у тебя на носу... –

улыбаясь, пел он. И девчонки тоже улыбались и пели.

Было хорошо.

Милый, милый Петрович...

В пятницу, после уроков, в учительской собирали деньги на банкет. После концерта полагось застолье. Таись Матвевна подсчитывала на скольких человек накрывать стол.

– А баянист наш, Юрий Петрович, один будет? Кто знает? Он, вообще-то, женат? – с интересом спросила она.

– Нет, не женат! – доложила Валь Санна.

– Откуда информация? – деловито поинтересовалась завуч.

– Он так сам сказал.

– Слушайте, может, тогда у Лидии Кузьминишны застолье устроим? – предложила добрая Екатерина Максимовна. – А, Лида? Сколько тебе одной-то жить? Да ребенка поднимать? Ему уж сколько? Двенадцать? Тяжело. А баянист – мужчина молодой, добрый, на баяне играет. Может, у вас что и сладится?

– Ой, ну зачем же? – засмушалась химичка.

– Всё. Застолье – у Лидии Кузьминишны. Решено! – утвердила завуч. Про себя она решила, что по сравнению с химичкой находится в лучшем положении одиночества, потому что у нее хорошая должность, карьерный рост... Муж даже помешал бы в ее ситуации...

Сконфуженно улыбаясь, химичка выскочила за дверь.

– Товарищи учителя! – понизила голос Таисия Матвеевна. – После застолья не засиживаемся! Юрия Петровича оставляем с Лидией Кузьминишной! Всем понятно? Молодежь?

– Понятно. Конечно. Уйдем, оставим их вдвоем.

Помочь устроить личную жизнь женщине с ребенком хотели все.

Вечером учителя собрались в клубе на генеральную репетицию. Зрителей не пускали.

– Завтра, завтра всё увидите! Концерт завтра!

Вольдемарт пришел заранее и привел, как обещал, акробатку Любаню. Вместе с ней пришли Гала, как всегда злая и чем-то недовольная, и Пронькин, как всегда веселый и шепутой. Они парадно сидели в зрительном зале. На сестрах были одинаковые вязаные шапки из белого мохера, купленные Любаней на городском рынке, и песцовые воротники – подарок от отца-охотника. Между шапкой и воротником – квадратные лица молодого дяди Лёни.

Белое кашне Вольдемарта делало его похожим на свата. Он важно сидел, ждал, когда обратят на них внимание. Обратили.

– Это кто ж? Никак Любаня? Артистка наша? – увидел первым Пал Максимыч.

– Я! Вот в гости приехала! – улыбнулась Любаня. Редкие зубы делали улыбку некрасивой.

– Ты как? Посмотреть? Или, может, выступишь?

– Я сначала посмотрю, что у вас за концерт такой!

«Ишь какая! Пожила в городе и загордилась!» – подумали многие, а Пал Максимыч сказал:

– Что ж! Ты теперь городская, от деревни отвыкла. А посмотреть – посмотри...

Таись Матвеевна энергично начала репетицию. Попробовала с хором заменить в песне «цветами» на «лесами». Но переучить слова, которые уже запеты, оказалось трудно. Решили петь по-старому. Петрович, как главный консультант, не возражал. Репетировать начали вяло, но потом учителя разошлись. Пришел кураж, и они азартно пели, плясали, стучали на ложках и по бутылкам. Таись Матвеевна переставляла номера, уточняла их порядок в концерте.

В это время Вольдемарт уламывал артистку:

– Любань, ну ты чо? Сидишь как засватанная? Покажи класс! Давай!

Пронькин тут же подключился:

– Любань, ты ж костюм с собой взяла! Я ж видел! Покажись. Пусть подивятся! Гал, ну скажи ей!

– Чо пристал? Как захочет! Чо я ей, приказывать буду? Чо я – училка?

Гала не любила молодых и веселых училок. Когда их видела, появлялось раздражение и непонятная злость. Нет, понятная. Было от чего. Мало того, что Пронькин возле них вертится... А он ей не без труда достался. Так она еще не могла забыть, как должна была готовить по утрам еду им, когда они квартировали у них. Мать велела.

Гала встретила глазами с Тоськой и на ее приветливый взгляд демонстративно отвернулась и зло посмотрела куда-то в зал. Тоська на это только улыбнулась: «Ох, уж эта Гала...»

...Каждое раннее утро их будил демонстративный грохот поленьев у печки. Звонко лилась вода из ведра в кастрюли. Кухонная возня беременной Галы сопровождалась ее громким ворчанием на нехозяйственных молодых девок, которые труда не знают. Каждое утро тушилась картошка, сверху присыпанная кусочками мороженого гуся.

– Девки, идите исть! – кричала им Гала и уходила досыпать. До занятий в школе оставалось еще много времени. Есть рано утром девкам не хотелось. Они пили кофе с бутербродами

и бежали в школу. Гала за это ненавидела их еще больше, но продолжала каждое утро со злостью чистить картошку.

Зато деревенским, интересующимся, сколько девки за комнату платят, тетка Настя отвечала: «А чо вы хотели? Я девкам каждый день гуся тушеного исть даю».

Любания сидела и то ли жеманилась, то ли смущалась. Она сама не могла понять. Ее почему-то стеснял баянист. Незнакомый симпатичный мужчина. Молодой. По виду городской. Он ей сразу понравился. И это мешало сосредоточиться. Жизнь в городе учила ее быть деятельной и энергичной. Ее соседка по общежитию красивая хохлушка Оксана говорила: «Пид лежащий каминь вода не тече, а роки витикають!» Еще как! Уж за тридцатник навитикало! А жениха всё нет. Она вспомнила, как вела себя Оксана с кавалерами, вспомнила цирковые уроки, где учили актерскому апломбу. Среди училок – она обвела их критическим взглядом – нет никого, кто с Оксанкой сравнится. Не, вон есть одна, тоже ничего... Смотрит в нашу сторону.

Тоська отвела взгляд от артистки. Она ей не понравилась: «На сестру похожа. А Гала – как крепкий пенек. Если и артистка такая же, то ей лучше выходить на сцену в борцовском полосатом купальнике и перебрасывать гири! А восторженного Вольдемарта – рядом. В униформе. Пусть гири ловит!»

У Тоськи не прошла досада от его пренебрежительного бахвальства. Она сошла со сцены в зал и села рядом с учителями.

Таись Матвевна объявила перерыв. Петрович остался на сцене и что-то тихо наигрывал на баяне.

Любания еще раз внимательно осмотрела его, поразмышляла и решилась.

– Ладно, выступлю. Так и быть, – сказала она Вольдемарту и пошла к сцене.

Подошла к баянисту, не снимая пальто и шапки. В городской мохеровой шапке она должна смотреться выгоднее училок в деревенских платках.

– Здравствуйте, а меня Любой зовут! – обезоруживающе, как это делала Оксана, улыбнулась она. – А вас как?

– А я – Юрий Петрович.

– А почему так официально? – кокетливо спросила Любания. – Вы такой молодой, что можете называться просто Юра.

– Можно и Юра, – согласился он, – или Петрович, как меня здесь теперь называют! И из вежливости спросил: – А вы и есть та самая артистка-акробатка?

– О! Какая я знаменитая! – жеманилась Любания, подражая Оксане. – Меня пригласили выступить в вашем концерте. Как насчет музыкального сопровождения?

– Всё что угодно! Марш, вальс, полька, твист... Что вы предпочитаете?

– Что-нибудь не слишком быстрое. И – чувствительное... – посмотрела на него Любания женским взглядом. Такой взгляд у Оксанки был неотразим.

– И цветные фонари включите!

Лаборант Олешко метнулся и включил несколько фонарей.

– Вот сюда направь! – показала она в правый угол сцены. – И всегда держи свет только на мне! Пол на сцене должен быть темным! В зале свет выключи!

Олешко всё исполнил. Сцена сразу преобразилась! Стала радостной, как в цирке.

– Антонида Екимовна! – забеспокоилась Таисия Матвеевна, – объявить же номер надо!

Тоська вышла на сцену.

– А сейчас... – она выдержала значительную паузу, – выступит наша гостья. Из южного украинского города! Она покажет нам свою «бодрость духа, грацию и пластику»! Па-а-просим, товарищи!

Все захлопали и замерли, устремив свои взгляды туда, куда были нацелены разноцветные лучи. Петрович заиграл: пам-па-ра-а-а... пам-па-ти-ра-ра-ра-а... Волшебная музыка знойного танго «Маленький цветок» обещала сказочное действие!

Любания дождалась начала самого эффектного музыкального такта: «Оп–ля!»

Она появилась блестящая с ног до головы, переливающаяся под светом фонарей! Воздушная короткая юбочка зрительно удлиняла ее ноги. Любания еще приподнялась на цыпочки. Волосы она затянула блестящей лентой в хвост на затылке, и он, встав пальмочкой, тоже прибавил ей роста. Любания задействовала все известные ей хитрости и умело скрыла свою коренастую, мускулистую фигуру. Ожидание, музыка, свет, блестящая Любания! Новогодняя сказка!

Аплодисменты...

И Любания пошла по диагонали сцены, аккуратно переставляя ноги, по одной линии, разводя руки в стороны и покачивая ими для равновесия. Казалось, что она идет по канату, освещенная разноцветными лучами...

Темная высокая сцена и невидимый пол создавали иллюзию воздушного пространства.

Остановилась, подняла согнутую ногу, качнулась телом...

В зале непроизвольно ахнули. А Любания подпружинила на одной ноге, подпрыгнула, приземлилась, покачалась и села на шпагат.

За музыкой она не следила, и Петрович играл, как тапёр в кинотеатре, меняя темп и всячески подстраиваясь под ее телодвижения.

Любания вставала на мускулистые руки, крутила колесо, мелькая крепкими ногами, делала мостик, балансируя и чудом удерживаясь на канате.

Зал следил, затаив дыхание. Взрослые люди, как дети, верили в чудеса.

Под конец номера она подошла к краю сцены, замерла в красивой позе, покачалась и артистично спрыгнула в зал. Лучи света тут же осветили ее.

Полная иллюзия прыжка с каната!

Молодец Любания. Артистка!

Она по боковым ступенькам взбежала на сцену и профессионально стала делать поклоны. Красивые, с полусогнутой ногой назад. Прямо, влево и вправо. Как в цирке на арене!

Петрович быстро подстроился и заиграл цирковой марш.

Все восторженно захлопали.

– Любания! Молоток! – надрывался Вольдемарт.

Пронькин засвистел Соловьем-разбойником!

Любания послала воздушный поцелуй баянисту, на цыпочках попятилась к заднику и исчезла за ним. Все продолжали хлопать. Она еще раз появилась, профессионально улыбаясь, раскинув руки к залу... Те же поклоны. Воздушный поцелуй. Исчезла.

Все хлопали, не жалея ладоней.

Вольдемарт, торжественный, как будто это он сейчас крутил колесо, громко объяснял сидевшим рядом:

– Это я ее пригласил! Я вот девочкам говорил, мол, артистка приехала. Настоящая...

Но его никто не слушал, переговариваясь между собой: «Прям, как в цирке!...»

– А ты чо, прямо из Новосибирска? – панибратски подошел к Петровичу довольный Пронькин и, не дожидаясь ответа, заговорил: – Я тоже оттуда, как на приписку стал после армии, а вот пришлось с Галой сюда ехать, шоферить. Ты когда назад-то?

Петрович не успел ответить. Таисия Матвеевна призвала к тишине и напомнила, что завтра, в субботу, состоится концерт.

– Акробатический этюд физрука включен в первое отделение. А канат Любани – во второе. Сюрпризом! И чтобы все участники концерта были за час до начала! После концерта состоится застолье у Лидии Кузьминишны. А сейчас все свободны.

Учителя стали одеваться и потянулись к выходу. Юрий Петрович понес баян в шкаф.

– Юра, подождите! – Любана, уже в пальто и мохеровой шапке, вышла из-за занавеса.

– Ну как вам? Понравилось?

– Очень. Всем понравилось. Завтра – под ту же музыку?

– А меня на банкет пригласят? – кокетливо провела она пальчиком по песцовому воротнику.

– Вас, как звезду концерта? – проследил Петрович за движением пальчика и заключил:

– Вас – в первую очередь!

– А вы тоже будете? – поглаживая мех рукой, с Оксаниной загадочной интонацией спросила Любана.

– Куда ж я денусь! – обреченно вздохнул Петрович, глядя на песцовый воротник.

– Ну, тогда до завтра! – Любана театрально поболтала в воздухе рукой на прощание и пошла Оксаниной походкой победительницы к выходу. После такой грамотно проведенной репризы обязательно смотрят вслед.

Петрович вслед ей не смотрел. Чему-то улыбаясь, он ставил баян в шкаф под ключ.

Необыкновенные репетиции обсуждала вся деревня. Концерта ждали с нетерпением. Концерты здесь были редкостью.

Наступила суббота.

В клуб, как на праздник, потянулись деревенские жители. Сидели в зале, не снимая верхней одежды, но выглядели празднично. «Наверное, из-за нарядных причесок женщин и их улыбок...» – разглядывала Тоська зал через щель в занавесе.

Из-под распахнутых полушубков белели рубашки мужчин с расстегнутыми воротами.

Таисия Матвеевна дала сигнал к построению хора.

Взволнованные учителя дисциплинированно построились в два ряда.

Петрович с баяном замер на стуле перед ними.

И завуч, тоже волнуясь, махнула рукой: «Занавес!...»

После концерта возбужденные, радостные участники концерта собрались за столом в доме у Лидии Кузьминишны. На столе стояли отварная картошка, сало, соленые огурцы, грузди, капуста, водка, большое блюдо с только что сваренными домашними пельменями...

Первая рюмка под тост «За наш успех!»

Было весело и шумно. Сидели, выпивали, закусывали, вспоминали выступления, смешные накладки в концерте, смеялись, хвалили баяниста и самих себя.

Отдельно – Любаню. Произносили тосты.

Поставили пластинку. Игла поскрипела по ее внешнему кругу, перешла на звуковую дорожку, и возникла знакомая Тоське с детства мелодия, а потом красивого тембра мужской голос запел:

– Ночью за окном метель, метель,
Белый беспокойный снег...

Любана в ярком, с оборками по низу и рюшами вокруг шеи платье, как квадратная шоколадная конфета в блестящей обертке, подошла к баянисту.

– Юра, можно вас пригласить?

Петрович, галантно оставив недоеденный груздь, промокнул губы платком, одернул свитер-самовязку и пристукнул каблуками:

– К вашим услугам!

– Ты живешь за тридевять земель,
И не вспоминаешь обо мне... –

пел певец, и Любане казалось, что это он поет о ней и что это чувствует и Юра.

Она прижалась к нему плотнее, голова немного кружилась от выпитого, и она была счастлива. Через свитер он него исходила теплота и мужская сила. Ей хотелось положить ему голову на грудь и вот так танцевать или стоять, всё равно... И никуда не уезжать, остаться дома... Пойти детей шитью учить. Или гимнастике... И забыть про шумный город с его красивыми хохлушками, про непрерывно строчащую швейную машину на фабрике, на этой опостылевшей Тиняковке...

–...Знала б ты, как ночи напролет, летом и зимой, без сна...

– Да-да, всё так и есть...

– ...здесь тебя со мною вместе ждет...

– Да-да, ждет!..

– ...тишина...

Песня закончилась.

– Ах, как быстро! – вздохнула Любаня, близко глядя на Петровича и всё еще пребывая в своих мечтах.

– Увы, всё кончается, – улыбнулся он и проводил ее до места.

Несмотря на пришедшее расслабление, Таисия Матвеевна была сосредоточена и собрана.

– Следующий танец в честь хозяйки дома! Юрий Петрович, вы, как гость, приглашайте!
– скорее приказала, чем предложила завуч и поставила новую пластинку.

Зазвучало танго Строка «Скажите почему?», тоже знакомое с детства.

Юрий Петрович гусаром подошел к химичке и боднул головой, приглашая ее.

Раскрасневшаяся Лидия Кузьминична встала, положила руку ему на плечо, и Петрович умело повел ее в танго.

– Зачем я встретил вас случайно? – спрашивал бархатным тембром певец. – Об этом знали вы едва...

Химичка старательно следовала за партнером.

Как давно она не танцевала! Как давно ее вот так сильной рукой не держали за талию и не вели в танце! Всё сама да одна... Спасибо Катеньке, что предложила у меня собраться.

– ...И пламя прежнего желанья опять зажглось в груди моей... – она была счастлива и повторяла про себя эти слова.

Таись Матвеевна не танцевала, а, сидя за столом, одобрительно качала головой и, как сваха, громко повторяла, чтобы услышал баянист:

– Какая красивая пара! Как же они подходят друг другу!

Сидящая рядом Любаня повела плечами Оксаниным жестом, оценивающе посмотрев на танцующих: «Химичка какая-то невзрачная! Не соперница!» И громко хмыкнула:

– Ничего особенного! Они – не два берега у одной реки! Нет!

Вокруг танцевали и подпевали певцу хором: «...Но вы ушли, скажите почему?..»

Знойно вступил саксофон, под него Петрович артистично прошел с химичкой бок о бок, повернул ее за талию и, сплетя руки, эффектно раскрутил на последних тактах. Красивое танго закончилось. Все захлопали.

Юрий Петрович довел партнершу до места:

– Спасибо за танец!

Лидия Кузьминична трогательно пыталась скрыть радостную улыбку.

– Все за стол, за стол... – приглашала Таись Матвевна и выразительно поглядывала на учителей:

– Не забыли, о чем договаривались?

– Помним-помним... Выпили еще по одной.

– За первое место в смотре художественной самодеятельности школ! – произнесла тост завуч.

– Без Петровича нам не справиться! Никак! – выпив, сокрушенно покачал головой уже вовсю захмелевший Пал Максимыч. – Петрович! Как? Приедешь весной? Девчат, попросим!

– Петрович, дорогой! Приезжай! – весело закричали все.

– Так, может, мне и не уезжать вовсе? – засмеялся Петрович.

– А вот это – очень хорошая мысль! – значительно сказала Таись Матвевна и выразительно посмотрела сначала на химичку, а потом обежала глазами учителей. Химичка смущенно улыбалась.

Физрук Сашка поставил новую пластинку и, подхватив за талию Любаню, тяжело закружил ее в вальсе.

Тоська, уже немного уставшая от своего и общего возбуждения, встала и потихоньку вышла. В сенцах стала искать свои валенки и шубу. И тут неожиданно вышел баянист и стал собираться вместе с ней

– Я провожу.

– Не-не-не, – испуганно запротестовала она. – Не надо. Остайся.

Он одевался и ее не слушал. Она не знала, что делать.

Заглянула в комнату, показала знаками химичке, что, мол, баянист уходит. Держи его.

А Петрович, уже одетый, тоже заглянул, попрощаться.

Таись Матвевна осуждающе покачала головой: «А еще романтические песни поет! Ведь договаривались же!..»

Тоська прижала руки к груди: «Ну что? Может, мне остаться?»

– Иди уж, – махнула на нее рукой химичка, – давай, идите. Ну вас!

Тоська виновато попрощалась со всеми.

Любаня кружилась в вальсе с физруком, но всё видела: «И здесь своя Оксанка нашлась! Куда только от таких деться?»

– Иди, иди... – миролюбиво повторила химичка, – а мы еще посидим...

Они ушли. И пошли гулять. Низко висела огромная луна, ярко освещая снежную дорогу.

Они шли, молчали, слушали скрип снега под ногами. Тоська пыталась оценить происшедшее: предательство это с ее стороны или нет. А он, как будто чувствуя и понимая ее состояние, но не разделяя его, поглядывал на нее и улыбался.

– Понравилась тебе наша деревенская вечеринка?

– Конечно, очень вкусная и веселая!

– А наш самодеятельный концерт?

– И концерт.

– А артистка? – помня восторг вредного Вольдемарта, ревниво спросила Тоська.

– Тоже, – ответил он и, улыбаясь, сказал то, что она хотела услышать: – А ее выступление... Ну что? Обыкновенное.

– Ну знаешь, как говорят, победителей не судят, – приободрилась Тоська, – а она на фоне всей деревни – победитель. Победительница! Ну подумай – живет самостоятельно, в большом городе, у нее есть работа и шарм артистки, воздушной акробатки, пусть и самодеятельной. И о ней пишет и печатает ее фотографии фабричная многотиражка. А один раз даже областная газета. Это же успех и победа! Ведь так?

– Эх, Тоня! – он приобнял ее за плечи. – Молодая ты еще! И глупенькая! Не обижайся. Победа и успех в этой жизни определяется не этим.

– А чем же?

– Победа и успех у ее младшей сестры Галы. У нее есть муж. Пусть плохонький, хотя на это как посмотреть, зато свой. И Гала – мать. А этот шарм не сравним ни с каким шармом артистки, хоть и воздушной акробатки, который уже совсем скоро останется в прошлом, – помолчал и добавил: – Вот я. Всё лауреатствовал, ничего больше знать не хотел. А сломал руку – и всё. Только и гожусь в деревне на баяне играть.

Тоська участливо посмотрела на него.

– Только не надо меня жалеть. Это всё в прошлом, – предупредил он и продолжил:

– Как перестал целыми днями играть, оказалось, что, кроме музыки, в этой жизни есть много интересного. Хотя бы та же охота!

Помолчали. Потом он неожиданно сказал:

– Я завтра на охоту иду. Пойдем со мной?

Тоська молчала. Порядочно ли это по отношению к химичке?

Он улыбнулся, как будто прочитал ее мысли, и спросил еще раз:

– Ну так что? Пойдем? Я прошу.

– А Лидия Кузьминична тебе понравилась?

– Это какая? В белой кофточке? Полная?

– Нет, в синем платье. Худая. Ты с ней танго танцевал.

– А-а, хорошая женщина. Здесь все хорошие. Так как, пойдем?

– Пойдем.

– Я зайду за тобой утром.

Назавтра был чудесный морозный день!

Они шли по накатанной дороге к лесу и издали любовались им. Казалось, что березки окутаны клубками белого искрящегося мохера, который временами вдруг становился розовым. А мощные лохматые ели, сквозь ветви которых пробивались яркие лучи белого солнца, еле удерживали пласты снега на своих лапах.

В лесу, в тени деревьев, снег казался голубым. Они бродили по глубоким сугробам, любовались красотой вокруг, тянули вниз еловые лапы, и с них, как с крыши, обрушивались груды снега. А с нежных березок, если легко тронуть ветви, слетали хлопья, рассыпаясь в воздухе искрами снежинок...

Они водили хороводы вокруг деревьев, прыгали как зайцы, забыв про ружье и охоту. Окружающая красота переполняла их счастьем, ощущением здоровья, силы, собственной молодости. И бесконечности жизни. Казалось, это никогда не пройдет. Они целовались, смеялись, бросались друг в друга снегом, кричали глупости. Им было хорошо. Они были счастливы вдвоем!

Ничего не добыв, выбрались из леса и возвращались домой.

Шли по дороге.

– Ой! Смотри! Вон там, видишь? На осинке! Дятел в красной шапочке и красном фартучке! – обрадовалась она. – Смотри, сидит и стучит носом. Аккуратненький такой, работающий! Чудо какое!

И вдруг за ее спиной хлопнул выстрел. Дятел упал в снег.

– Ну вот, хоть какой-то трофей. А то ты еще подумаешь, что я стрелять не умею.

– Зачем?!! Зачем ты это сделал? Какой же ты дурак! Дурак! Дурак несчастный! Убийца! И вся твоя философия про победы ничего после этого не стоит! Видеть тебя больше не хочу! Охотник хренов! Это же дятел! На них же не охотятся! Убийца!

Она заплакала и побежала вперед по дороге.

А он растерянно шел сзади, и ему нечего было сказать. Всё про него она уже сказала.
Было стыдно и плохо.

На следующее утро он уехал.

2. Роза вуду

Тоська проснулась затемно. Захотелось пить. Она потихоньку, чтобы не разбудить девчонок, выбралась из-под теплого одеяла и на цыпочках прошла на кухню.

Бр-р-р... Холодина... Печка за ночь остыла.

Она зачерпнула воды из ведра. Сделала несколько холодных глотков. Подошла к окну. Шел сильный снег. Не уютный, а нервный, с ветром, который швырял его в беспорядке. Единственный фонарь на столбе мотало из стороны в сторону, и освещенное пятно на снегу металось за ним.

От холода и нервозности ее передернуло, и она поспешила в постель. Шмыгнула под одеяло, сохранившее остатки ее тепла. Свернулась клубочком, подоткнула себя одеялом со всех сторон.

Сон прошел. От ветреной погоды на душе стало беспокойно, одиноко, грустно.

Вспомнила Юрия Петровича. Как глупо всё получилось... Шмыгнула носом. Промелькнула перед повлажневшими глазами его улыбка, лицо, смеющиеся глаза, красивые руки на баяне...

Вспомнилась их прогулка. Дятел на снегу...

Может, не надо было так? Ну поругала бы... Он же не злодей какой! И всё было бы хорошо. Нет, не было бы... Как у Булгакова? Левий Матвей отказался от службы у Понтия Пилата. Как он сказал? «Ты будешь меня бояться... Тебе нелегко будет смотреть мне в глаза, после того как ты его убил...»

Кажется, так.

И Петрович тоже это понял и потому уехал. Этот выстрел никуда бы от нас не ушел и стоял бы между нами всегда. Даже если бы я и постаралась забыть, он бы, из-за меня не забыл...

Эту маленькую беззащитную живую игрушку на осине...

Картонного дятла на новогодней елке в детстве...

В детстве... Новый Год. Мягкий стук в окно... Она бежит мимо наряженной елки. От воздушной волны сдуваются в сторону свисающие с колких веток серебряные нити «дождика», закручивается на нитке блестящий картонный «дятел». Она забирается на широкий подоконник, открывает форточку и взвизгивает от радости и восторга. На оконной решетке между форточными рамами лежит что-то волшебное.

Тоська просовывает голову между прутьями решетки, высовывается в форточку, вертит головой, но от Деда Мороза – только глубокие следы на снегу.

«Надо же, гранат!» – восхищаются домашние.

Она видела гранат впервые. Лакированная шкурка была как на маминой старой кожаной сумочке. Шкурку осторожно снимали. Под ней, спеленатые белой пленкой, тесно прижались друг к другу прозрачные рубиновые зернышки. Из зернышек она сначала выкладывала на кухонном столе бусы. Выдавленный сок слизывала языком. На худеньких, вымазанных соком пальчиках зернышки выглядели драгоценными камушками. И только потом собирала их в ладошку и губами осторожно забирала в рот, прижимала языком к нёбу, медленно высасывала кислотовато-сладкий сок и перемалывала зубами белые косточки.

– А мне Дед Мороз принес гранат на Новый год! – похвалилась она соседу Витьке.

– А-а... Это мамка на работе достала. Твоя мать попросила.

– Неправда. Все дома были. Кто ж тогда в окно постучал и гранат положил?

– Да ты не заметила! Кто-то из твоих и подложил! Или попросили кого! – небрежно разъяснил материалист Витька и по-взрослому цыкнул в сторону слюной сквозь зубы.

Витькина мать работала буфетчицей в ресторане на железнодорожном вокзале и могла достать всё или почти всё, что одно и то же. Такое доставала, что Тоська и до сих пор так и не попробовала. Однажды на кухне у Витьки она увидела стеклянную банку необычной формы, которая была плотно набита зелеными виноградинами, и из каждой уголкем торчало что-то белое.

– Это, как его... оливы, – объяснил Витька, – а в них орехи засунули.

– Вкусные?

– Не-а... Так... Кислые...

Когда начались перебои с хлебом и стояния в длинных очередях, Тоська с Витькой бежали вечером на вокзал, в ресторан. Витькина мать встречала их у служебного входа.

Вела в подсобку. Так она называла комнатку, где официантки переодевались. Тоська разглядывала белую кружевную наколку, прямо стоящую на ее желтых кудряшках, и кокетливый передничек, узорчатым углом воздушно примостившийся на высокой груди, и не могла понять, как вся эта красота держится и не падает? Витькина мать сама была теплая и пышная, как булки, которые она давала им. Витька клал батон за пазуху, мать приказывала: «А то какие-нибудь хмыри отберут, когда через пути побежите». Тоська тоже запихивала батон под кофточку. Получалась грудь, как у взрослой. Витька искоса поглядывал и хмыкал. Потом они бежали, взявшись за руки, через железнодорожные пути, в темноте опасаясь хмырей. Батон болтался уже где-то на животе, как грудь у соседской бабки Чуфистовой. Дома Тоська выкладывала добычу на стол. Батон был еще горячий, отпотевший и хранил тепло ее детского тела.

И земля была велика и обильна. И всё на ней было в порядке...

Тоська крепко спала, завернувшись в одеяло с головой. Девчонки уже встали, затопили печь. Готовили завтрак. Собирались в школу. Тоське надо было идти к третьему уроку, можно поспать подольше.

– Мы ушли! Не проспи! И дров подложи! – разбудили ее девчонки перед уходом.

– За водой сходи! – уже из дверей крикнула Валь Санна.

– Угу! Уже встаю! – она высунула голову из-под одеяла. В избе было тепло. Уютно потрескивали дрова в печке. За окном спокойно падал снег. Она потянулась, полежала с закрытыми глазами, сладко подремывая, пытаясь удержать и сложить в цельную картину ускользавшие сновидения, но не получалось: висел на елке только картонный дятел. Крутился на нитке, как и обрывки ее мыслей...

– Уж замуж невтерпех... А роза упала на лапу Азора... На дворе трава, а на траве – дрова... Я послал тебе черную розу в бокале... черную розу в бокале... Интересно, почему черную? – И вдруг ясно, как бывает со сна, возник ответ: а затем, чтобы приворожить прекрасную Незнакомку. Черная роза – это не что иное, как приворотная Роза! Как кукла вуду! В розу даже иголки втыкать не надо – сама шипастая! А золотое Аи – для усиления любовного приворота! Символы, символы...

Тоська окончательно проснулась.

Умылась остатками воды из настенного рукомойника, надела ватник, на голову – мамин пуховый платок, сунула ноги в валенки, взяла ведро и вышла на крыльцо.

Глубоко вдохнула морозный воздух.

Огляделась. Везде топились печи, шел дымок из труб и пахло хлебом.

Тоське стало радостно от окружающей ее красоты, которая сулила непременно счастье. Она засмеялась и, помахивая пустым ведром, побежала по уже протоптанной в снегу дорожке к колодцу.

Вернувшись в избу, поставила ведро с водой на табуретку в углу, зачерпнула воду ковшиком и наполнила рукомойник. Подложила дрова в печку. Подождала, пока огонь, с треском

запрыгав по толстой коре, обхватил поленья, и закрыла дверцу. Налила горячего чая. Стоя попила с остатками печенья. Наскоро ополоснула чашку и принялась за работу.

Достала черную креповую бумагу, ножницы. Села за стол, отрезала полоску бумаги, свернула ее, нарезала на листочки, скрутила каждый с одного конца, надавила для выпуклости с другого и собрала листочки в бутон. Закрепила провололочкой и посадила на провололочный стебелек, который плотно обернула и оклеила черной бумагой.

Вспомнила, как давно, еще в школе, в младших классах, они делали бумажные цветы и прикрепляли их на ветки березы. Ветки срезали заранее и ставили дома в воду. Клейкие листочки появлялись не к середине мая, как положено в природе, а в апреле. Они несли на Первомайской демонстрации этот цветущий сад и громко скандировали: «Мы знаем – город будет. Мы знаем – саду цвести! Когда такие люди в стране советской есть!»

И кричали: «Ур-р-ра!»

Вырезала чашелистики. Про чашелистики она прочитала в книге «Занимательная ботаника» А.В. Цингера. Книжка домашняя и уютная, изданная в 50-х годах. Такие книжки в детстве она брала в городской библиотеке. «Непритязательные беседы любителя». Там был стишок-загадка про чашелистики у розы:

Постарайся угадать,
Кто такие братьев пять:
Двое бородаты,
Двое безбороды,
А последний, пятый,
Выглядит уродом:
Только справа борода,
Слева нету ни следа.

Природа создала приспособления для цветка, еще прячущегося в бутоне. Пять каемок закрывали пять щелей, и бутон был защищен. «Ах, если бы так можно было спрятаться от грубой жизни!» – подумала Тоська и прикрепила чашелистики к основанию розы. Расправила.

Получилась черная роза Блока. Приворот был готов.

И вдруг у нее загорелись уши. Она представила, что сейчас у кого-то тоже они загорелись, и он с непониманием потер их и посмотрел на небо. А откуда уже тянется, тянется от Тоськи нить космической связи... И никуда ему не деться! Прошла нить сквозь него, зацепилась внутри за сердечную мышцу, сладко заныло сердце, и потянуло его к ней, к неведомой... Открывай двери, встречай! Или выходи на лунную дорогу. Вон он идет по снегу, отбрасывая длинную тень и удивленно озираясь вокруг. Неведомая сила ведет его к ней...

Кто он?

И вдруг вспомнилось...

Как лист увядший падает на душу,
Так милый образ твой
В тот миг, когда воспоминанья душат,
Таинственный покров приподымает свой.

Так лес осенний, золотой наряд свой сбросив,
Нам открывается и пуст, и сер, но мил,
И каждый лист, упав на землю, просит,
Чтоб ты его, как золото, хранил.

Лес отгорел, и листья все опали,
Укрылось золото в подземных кладовых,
И мертвый лист, что, падая, задел меня, едва ли
Я отыщу среди множества живых...

И пусть земля хранит свой клад бесценный,
Я сохраню в стихах твой образ драгоценный.
(Б.Б.)

Это написал Цурэн Гениальный. Она стала называть его так после того, как он дописал сонет Стругацких «Как лист увядший падает на душу...». Его привораживать не надо. Он просто друг. Да, он был и остается другом. Сейчас он служит срочную где-то на Урале. И они переписываются.

Она поставила приворотную Розу в пустой стакан.

Представила, как придет в сельмаг и спросит у продавщицы Пани:

– Паня, тебе Аи сегодня не завозили?

– Не-е... А зачем тебе?

– Для усиления эффекта привораживания, – признается она.

– Для привораживания... – понятиливо посмотрит на нее Паня и поправит капроновую косынку, повязанную вокруг дули на макушке. – Для энтова дела – лучше всего самогонка! К Райске за ей ступай!

"Я послал тебе черную розу в стакане

Самогонки работы Раи..." – тут же сочинила Тоська. Представила поэта Блока со стаканом самогонки, рассмеялась и стала собираться в школу.

– "Сохраню в стихах твой образ драгоценный..." – опять вспомнила и непроизвольно вздохнула. За стихами стояла высокая любовь к ней, и она боялась ее, потому что не могла ответить тем же.

– Он – хороший, добрый друг. Но не более того... – еще раз уверила себя.

Оделась, поправила перед зеркалом челку, придала лицу строгое, учительское выражение и отправилась в школу.

Урок еще не закончился. В коридоре было тихо.

В учительской за столом сидела, нервно перелистывая учебник, историчка Римма Яковлевна с малиновыми пятнами на щеках. Верный признак, что что-то случилось или случится.

– Директор сегодня на урок ко мне обещал пожаловать, – пытаюсь саркастически улыбнуться, сообщила она. Вместо улыбки получилась гримаса.

Римме Яковлевне не повезло с предметом.

Директор был учителем географии, но считал себя знатоком истории, особенно современной, которую он понимал как политику, в которой он в силу своей должности, безусловно, разбирался. Он требовал от Риммы высокого идейно-политического уровня изложения материала, без субъективизма! Какой субъективизм? Она и так ни на шаг от учебника не отходит! Римма не могла понять, что директор от нее хочет, отчаянно боялась его посещений и завидовала учителям, преподающим другие предметы. Владимир Трофимыч был не силен в точных науках, в языках, в литературе...

Тоська помнила, как однажды на уроке в присутствии директора, она, заговорившись, назвала Салтыкова-Щедрина крепостным писателем. Замечание по уроку было одно: «Вот хорошо вы, Антонида Екимовна про этого писателя, как его... Евграфыча... сказали, что он

из бедных, из крепостных, но выбился в люди. Только надо было упор на этом сделать! Больше внимания к его бедности!» Тоська обещала.

– Римма Яковлевна, а вы рассказывайте не про современную историю, а про какой-нибудь век пятнадцатый. В средних веках никто не силен! Особенно в их идейно-политическом уровне!

– Ну как же... Ведь по программе, по программе же надо... – Римма обреченно уставилась в учебник.

Тоська жалостливо вздохнула, открыла портфель, достала тетрадь с конспектом урока. В глубине портфеля синела обложкой книга. «Анна Каренина». Как-то под настроение ей вдруг захотелось перечитать. Перечитала, а вернуть в библиотеку всё забывала.

Она полистала конспект...

Темой урока была статья В.И. Ленина «Лев Толстой, как зеркало русской революции». Сложная тема. Тоська готовилась к ней по учебной методичке. Историчка с шумом перелистнула страницу.

Тоська оглянулась на нее и взялась за конспект.

Тишину разорвал громкий звонок. Перемена.

Вслед за звонком – чудовищный грохот топчущих ног (куда можно так бежать?), дикие визги и вопли...

Римма Яковлевна, уткнувшись в учебник, закрыла уши обеими руками.

В учительскую потянулись усталые учителя с журналами, указками, стопками тетрадей. И каждый со своими заботами...

Прозвенел звонок с перемены.

И Тоська, захватив журнал девятого класса, в котором она вела классное руководство, пошла на урок. В единственном девятом классе учились одни девочки. Мальчики, окончив восьмилетку, поехали в район учиться на трактористов.

На уроке все сидели тихо. Но слушали невнимательно. Даже про такую, казалось, близкую им «крестьянскую мечту – жить по справедливости, своим трудом», слушали без интереса. А многие и не слушали. Просто терпеливо ждали, когда Антонида Екимовна отговорит.

– Писатель Толстой велик, как выразитель тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства ко времени наступления буржуазной революции в России... – отговорила она и вдруг спросила:

– А вот скажите, кто из вас слышал, как в лесу весной растет трава?

– А разве это можно услышать?

– Толстой слышал и описал это.

Тоська открыла «Анну Каренину», нашла нужный текст и стала читать вслух.

«В промежутках совершенной тишины слышен был шорох прошлогодних листьев, шевелившихся от таянья земли и от росту трав. «Каково! Слышно и видно, как трава растет!» – сказал себе Левин, заметив двинувшийся грифельного цвета мокрый осиновый лист подле иглы молодой травы...»

Потом она прочитала дальше описание охоты. Все сидели так же тихо, но слушали уже с интересом. Лица оживились. Весенний лес, охота – всё это было близко и понятно им.

– А где это он так всё про охоту написал?

– Это в романе «Анна Каренина». Но роман – не про охоту.

– Антонида Екимовна, а вы кого боле жалеете: Анну или ее мужа? – вдруг спросила рыжая Маня.

Все удивленно уставились на нее.

– Маня, а ты что, читала «Анну Каренину»? – справляясь с удивлением, спросила учительница.

– Читала, – смутилась Маня. – Еще в прошлом году. Мамка в клубе, в библиотеке брала. В ней – про любовь!

– Не только, в ней и про общественную жизнь... – даже растерялась Антонида Екимовна и от растерянности задала глупый вопрос:

– Ну и как тебе? Поняла что-нибудь?

– Всё поняла. Так кого вам жалче?

– Ну Анну жалко. И мужа тоже. И сына. Всех жалко.

– А Вронского?

– А чего его жалеть?

– А мамка сказала, что его пожалеть тоже надо! И еще сказала, что всё это несчастье из-за того получилось, что Анна не по любви замуж за Каренина вышла. Без любви замуж никак нельзя!

– Да? – глупо переспросила учительница.

– Да, – по-взрослому кивнула Маня. – Я тоже так думаю.

Класс с интересом слушал. Потом все разом заговорили.

– А Татьяна Ларина? За старого пошла!

– Она его уважала! Он – генерал. Он сражался и был изувечен! И он ее любил!

– Это раньше: богатый – на богатой, бедный – на бедной!

– За богатством шли. Теперь не так... – продолжали делиться ученицы житейской мудростью.

– А как?

– Теперь по любви. Все равны. Вот как!

– Чо тогда разводятся?

– Значит, ошиблись; не любовь была...

– А какая она любовь? Как понять, чтобы не ошибиться? А? Антонид Екимовна? – наконец класс обратил внимание на учительницу.

«Я не знаю!» – хотела честно сказать растерявшаяся Тоська, но глаза учениц ждали другого ответа, а ей, как назло, на ум приходили лишь поэтические строки. Красивые, образные, возвышенные – они не давали ответа на конкретный вопрос о любви. Опять выручил Лев Николаевич.

– Знаете, если обратиться к роману, то Анна Каренина говорит так:

«...если сколько голов – столько умов, то и сколько сердец – столько родов любви...» – процитировала она и продолжила: – Я думаю, надо воспитывать в себе любовь. Любовь, а не злость... Вы согласны?

Девочки неуверенно закивали. Маня не кивала, думала.

– А Кити тебе понравилась?

– Да.

– Чем?

– Как она на балу танцевала. Ее все приглашали танцевать. У нее было красивое платье. И бархатка... Это вот здесь, – Маня показала на шею. – Я бы тоже так хотела: в красивом платье, на балу! Ее веснушки запылали, потому что по классу пробежали легкие смешки.

– Да, платье у нее было красивое, – согласилась Антонида Екимовна и задумчиво продолжила, – тюлевое на розовом чехле...

– Из тюля, что на окнах? – живо поинтересовался кто-то.

– На окнах – не для платьев! – поторопилась она сказать, увидев в глазах учениц уже практический интерес и, чтобы отвести их мысли от платья из тюля на окнах, обратилась к Мане: – А платье у Анны на балу тебе понравилось? Оно, ведь, тоже очень красивое!

Маня неопределенно пожала плечами, упрямо пробормотав:

– Мне у Кити, розовое...

«Как на Маню подействовала толстовская бело-розовая гамма платья! У Наташи Ростовой, ведь, тоже было белое дымковое платье на розовом чехле! И Варенька – в белом платье с розовым поясом...» – вспомнила Тоська.

Прозвенел звонок. Урок закончился. Закрывая журнал и собирая свои вещи со стола, она украдкой оглядела учениц: оставили ли они мысли о тюле на окнах? А то ведь снимают, соорудят себе из них платья! Но девочки говорили уже о другом – только у Мани всё еще пылали веснушки. «Прощай, тюлевая занавеска!»

В учительской директор разбирал урок исторички:

– ...и без субъективизма... Без субъективизма, Римма Яковлевна...

Тоська под села за стол к Василисе.

– Мне черный бархат нужен. Не знаешь, где можно достать? – тихо спросила у нее.

– Так в сельпо! Посылка из Посылторга пришла. Паня заказывала клеенку, а вместо нее прислали штуку бархата.

У Василисы мать работала в Посылторге. По части товаров Васька, как называли ее подруги, знала всё и в разговоре деловито сыпала торговыми терминами: «ящик бутылочного пива», «штука ткани», «горшечные растения», «бочковые огурцы»... «Затоваренной бочкотары» – не было.

– А тебе зачем? – с интересом прищурилась она.

– Платье хочу себе сшить.

– Пошить платье? – удивленно, как ученицы на Маню, посмотрела на нее.

– Да.

– На чем?

– У Валь Санны швейная машинка есть.

– Ну как сошьешь, зови смотреть! И поспеши, а то Паня собирается бархат назад отправлять! Здесь он никому не нужен!

Уроки закончились, и Тоська по пути домой зашла в сельмаг: «Аи не завозили?..»

Вечером она уже сидела за шитьем романтического платья из черного бархата, как у Анны Карениной на балу. Вместо венецианского гипюра обшила платье кружевами, которые спорола со своей импортной кофточки. Вместо нитки жемчуга (откуда?) сшила аккуратную бархатку. На третий вечер платье было готово!

Тоська надела его, пробежала пальцами по кружевам. Вытянулась, подобралась... Бархатка красиво обхватила стройную шею.

– У Кити только бархатка прелесть? А у меня и всё остальное – прелесть! И сама я – прелесть!

Довольная, она закружилась перед девочками:

– Что за прелесть эта Тоня! Хороша, голосиста, молода!..

И процитировала по памяти:

– «Она возвратилась к своему любимому состоянию любви к себе и восхищению собой!»

– Как ты про себя!

– Это не я. Это Толстой. И не про меня! А вообще про женщин!

– Интересно, откуда он только про эти женские чудачества знал? Это же не про войну или охоту писать.

– Да и про платья тоже!

– А он описание нарядов жене поручал. Писал на полях рукописи «Соня, одень их!» Давал жене установку: цвета бело-розовые и черные с лиловым... И – вперед! Она переписывала рукопись и одевала.

На следующий день посмотреть на платье пришли Полина с Василисой.

Тоська снова с удовольствием надела новое платье, туфли и продефилировала по комнате походкой манекенщицы. Повернулась и замерла в позе из журнала мод: рука – на бедре, нога – в сторону, голова вполоборота, загадочная улыбка...

Непосредственная Полина аж взвизгнула: «Ой, Тонечка! Как здорово!»

Василиса деловито пощупала бархат:

– Хлопковый, смесовый...

В сенцах застучали ногами, стряхивая снег с валенок. Пришли Таня с Валь Санной.

– Ставьте чайник, мы пирожки принесли! – закричали с порога.

– Где взяли?

– Угостили! Чаю с ними попьём.

– Какой у вас чай? Черный байховый? – уточнила Васька.

– Он, родимый. Третий сорт.

– Рассыпной неликвид! – определила она.

– Чай – неликвид! Зато пирожки – ликвид в один момент!

Девчонки засуетились, поставили чайник, достали чашки. Румяные пирожки из газетного кулька прошуршали в плетеную хлебницу. Заварили чай и уселись за стол, впятером, по – домашнему. Под уютным кремовым абажуром Петровича.

– Ой, девчонки, сегодня смешно было! – жуя пирожок и прихлебывая чай, начала рассказывать Васька. – На уроке развивала воображение у своих оболтусов. Всё делала, как написано в методичке для начальных классов.

– Дети, – говорю я, – слушаем тишину. Все сидим тихо и слушаем звуки тишины!

Все сидят, головой вертят, сопят, прислушиваются, сопли подтягивают...

– Ну, кто что услышал? – спрашиваю. Сама жду от них ответов про шорох падающего снега, звонкую тишину там... Сама не знаю чего... Ну как в методичке написано.

Молчат. Потом сплетница Симка, вся в мать, руку тянет. Радостно так.

– Я услышала!

– Молодец, Сима! Рассказывай! Какие звуки тишины ты услышала?

– Услышала, как директор с уборщицей из-за халата ругается.

Тут все наперебой:

– Ага. Мы тоже услышали. Уборщица дома его одиёт. И снашивает.

– А директор не напасется на нее!

Симка громче всех орет: «А вот моя мамка чо рассказала!» У меня аж голова кругом пошла.

– А в методичке что в таких случаях рекомендуют делать? – съехидничала Таня.

– В методичке уборщица с халатом не предусмотрена.

– А интересно, что Симкина мать рассказала? Она всегда всё знает. Ты хоть послушала?

– А как же! – Васька сама любила посплетничать. – Она про баяниста рассказала. Оказывается, у него любовь с акробаткой Любаней намечалась.

– А он-то об этом знал?

– А то! Звал ее с собой в Новосибирск! Или, говорит, если хочешь, здесь с тобой останусь.

Только скажи!

– А она что?

– А она ему отказала.

– Это почему же? Такому красивому мужчине?

– У нее, оказывается, жених в городе остался. И она Петровичу сказала: «Я не могу так, с двумя сразу! Я – не такая!»

– Ну надо же! А Петрович что же?

– Он сначала, чтоб она приревновала, за училками приударил! А она – нет, всё равно, говорит, к жениху поеду. Я, мол, другому отдана... Тут наш Петрович с горя напился, табуретку у деда – хрясь об пол... Вдрызг... Потом сел в машину и домой поехал.

– Как в кино! – засмеялась Валь Санна. – В «Девчатах»... Рыбников – хрясь часами об пол, да еще каблуком...

– Ох, уж эта Любаня! Правильно Вольдемарт сказал – настоящая артистка! – закончила Таня. И все посмотрели на Тоську.

Тоська пожала плечами: может, так оно и есть? Подружки переглянулись, а деликатная Полина тряхнула кудрями (она каждый вечер накручивала волосы на бигуди для прически в школу), огляделась, на что бы перевести разговор, и увидела черную Розу в стакане.

– Ой, какая красота! – она встала, пальцем осторожно потрогала ее лепестки и неожиданно спросила:

– Тоня, а ты где Новый год встречаешь?

– Здесь, наверное. Одна. Девчонки уезжают.

– Поехали со мной в Новосибирск. Я на Новый год домой еду. Покажу тебе город, погуляем! Хочешь?

– Очень!

Конца декабря Тоська ждала как начала чего-то нового. Ждала, что вот они поедут... Сумка давно уже была собрана. Роза лежала вместе с бархатным платьем.

Билеты на самолет в Новосибирск и обратно были куплены заранее. Назад Тоська улетала раньше Полины: не хотелось злоупотреблять ее гостеприимством.

Ранним зимним утром деревенский шофер вез их на грузовичке в аэропорт, в Сибирское. Шофера звали Платон. Его родители были учителями истории. Философом он не стал. Уже есть один с таким именем. А вот шофера с именем Платон нет – он один такой!

Полина с Тоськой вдвоем сидели на пассажирском месте. Платон, как всегда, молчал. Молчали и училки. Каждый думал о своем.

Тоська смотрела на бежавшую под колеса зимнюю дорогу, на нескончаемый снежный лес. Белая картина снаружи и тепло кабины внутри усыпляли и погружали то ли в сон, то ли в воспоминания...

...К концу последнего курса в институте поползли слухи, что распределять их факультет будут в Армению.

– Это правда? – спросили у декана на лекции. Он подтвердил. Тоську это развеселило. Недавно она посмотрела фильм «Не горюй!». Театральная жизнь кавказских людей, которую она увидела в фильме, понравилась ей своей безыскусностью.

Она ловко начеркала на листочке армяно-грузина (в то время она не видела никакой разницы между ними) с большим носом, в кепке-аэродроме, торгующего дынями вместе с русской красавицей, и подвинула листочек соседке, старосте группы, серьезной и некрасивой девице. Та в это время отмечала в журнале присутствующих на лекции, зорко оглядывая аудиторию. Несмотря на серьезность дела, она фыркнула, и почеркушка последовала дальше, оживляя студентам нудную лекцию.

Такие почеркушки Тоське удавались лучше, чем зачеты по философии.

Но чего стоила вся эта философия по сравнению с ее молодостью и красотой? Это понимали и преподаватели-мужчины. И философски оценивали этот дар выше, чем ее знания. Экзамены, зачеты она сдавала без затруднений.

То, что красота – дар, стоящий многого, она поняла потом, но перестроиться так и не смогла. Главное – душа, внушали ей с детства. При красоте душа мешала. Ее душевную доброту люди принимали за хитрость.

И спустя много лет, посмотрев «Настю» своего любимого режиссера Данелии, она была ошеломлена его пронизательностью. И благодарна ему.

Но веселая, солнечная Армения не состоялась. В строгой, холодной Сибири выпускники их факультета оказались нужнее.

Чем ближе было окончание института, тем сильнее паника среди студенток. Выгодные замужества, рождение детей, болезни родителей должны были обеспечить дальнейшее благополучие их жизни. Благополучие же сулил им только город. И уж никак не Сибирь!

Тоську распределение не волновало. Город, где прошла студенческая жизнь, был уже не интересен для новой взрослой жизни, и оставаться в нем не хотелось, да и не было того, с кем хотелось бы благополучия здесь.

И она поехала в сибирскую деревню, которую по жребию (по ее просьбе) вытянула староста группы Клава. У нее была легкая рука. Когда на первом курсе в сентябре всех традиционно посылали на помощь селу, и на две параллельные группы пришли разные заявки: одна – «на картошку», другая – «на яблоки», то старосты групп тянули жребий. Клава вытянула «яблоки». И они всё теплое бабье лето провели в раю. Не пыль вдыхали, согнув спину, собирая между комьями земли картошку, а в яблонево́м саду снимали с ветвей сочные спелые яблоки, вдыхая свежий, еле уловимый яблочный аромат...

А вокруг осенний лес, озеро... Райское место... Недаром на противоположном берегу – дача первого секретаря обкома партии, отгороженная высоким забором от людских глаз! А в летнем кинотеатре показывают «Кавказскую пленницу». И, сидя на деревянной скамейке, Тоська весело смеется над товарищем Сааховым, прохиндеем Джабраилом, смешной тройцей... И главная героиня, такая же, как и она – студентка, комсомолка и, наконец, красавица поет песню про медведей. И влюбленный сокурсник говорит, что она похожа на главную героиню... Даже красивей ее! И Тоська опять смеется! Всё так радостно и беззаботно!

Легкая Клавкина рука вытянула ей деревню Покровское. И она поехала.

Отметилась в районо и стала ждать, когда за ней приедут из деревни, куда ее направила учительствовать Родина.

Из деревни приехали на стареньком грузовичке с откидными бортами.

Шофер был одет в ковбойку, старые брюки заправлены в резиновые сапоги. Возраст определить она затруднилась: тридцать, сорок? Симпатичный, большой.

«Настоящий сибиряк», – отметила она с удовольствием. Ее чемодан он закинул в кузов. Подождал, будет ли еще что-нибудь: кошелка или пакет с едой, что обычно берут с собой в дорогу. Оглядел ее худенькую фигурку в летнем платице, сумочку в руках и понял, что ничего такого не будет.

Сибирскую породу он подтвердил своей неразговорчивостью. За время поездки на ее осторожное щебетанье он молчал или отзывался односложным «ну...» Какие чувства он выражал этим «ну», она так и не разобралась.

Они ехали по узкой дороге, проложенной среди леса. И, утомившись от безуспешности разговора с ним и хоть что-нибудь узнать о деревне, ее жителях, она замолчала и задремала. Дрёма была наполнена гулом мотора, тряской. Без видений.

И вдруг что-то вытолкнуло ее из дремоты. Машина стояла. Она почувствовала движение в свою сторону, близкий чужой запах и шумное дыхание.

Глаза распахнула. И опешила.

Шофер, наклонившись к ней, шарил рукой под ее сиденьем. Поглядывал то на нее, то в окно. Нашарил, потянул... Ружье!

– Ой, мамочки... Вы чего? Вы зачем? Я кричать буду...

Шофер только усмехнулся и стал пристраивать ружье по направлению к ней, зачем-то опустив стекло в двери кабины с ее стороны.

Она бессознательно обезопасила себя: зажмурилась и прижала сумочку к груди. Ноги поджать не смогла: ружье мешало.

Бабахнуло так, что заложило уши...

Глаз приоткрыла. Жива. Шофер неторопливо выбрался из кабины, хлопнул дверью, перешел дорогу и вошел в лес.

– Эй, стойте! А я? Ничего не понимаю... Эй! Вы куда? Стой! – кричала она ему вслед. – Господи, что ж делать-то? Куда это он? Дикарь сибирский...

Выскочила из машины и растерялась: вокруг лес, через дорогу мшистое болотце с небольшими кустиками и торчащими среди них камышовыми шоколадными палочками. В сторону болотца шофер и ушел.

Посмотрела вверх. Ясное голубое небо. Из космоса виден зеленый океан леса, тоненькая черточка дороги и на ней – маленькая точка. Это – она. Её большие страхи не вмещались в эту точку. Ей стало спокойно.

Кровожадные сибирские комары загнали ее назад в кабину. Она выгнала их оттуда, злых и голодных, подняла стекла. И стала ждать.

Через некоторое время шофер появился, неторопливо подошел, забросил что-то в кузов. Запратал под сиденье ружье, завел машину. Поехали.

Когда приехали в деревню, уже начинало темнеть.

Подъехали к какой-то избе. Остановились.

– Здесь, что ли, я буду жить?

– Ну...

Принес чемодан. Потом, пошарив в кузове, бросил что-то к ее ногам.

– Чирок... Повечеряешь.... Костер запалишь? – наконец услышала она его голос. – Дрова там.

Отогнув большой палец, указал он куда-то за спину.

– Ой, спасибо, – обрадовалась она его вниманию. – Костер? Смогу! Я вот, знаете, в походе....

– Колодец там! – мотнул головой в другую сторону. – А чирка ощипать?

– Что? Да! Я всё могу! – Тоська уверенно махнула рукой.

Он усмехнулся, протянул ей ключ, коробку спичек и уехал.

Она подняла то, что он бросил. Это была утка.

«Надо же... Охотник. Добытчик! – подумала уважительно. – Ну что ж, вечерять – так вечерять. Есть хочется!»

Пошла к избе, открыла ключом навесной замок, вошла, поставила чемодан, огляделась.

В сумраке белела печь. Упало и зазвенело ведро, о которое споткнулась. Больше никакой посуды она не обнаружила.

«Зажарю, как шашлык», – решила и вышла на улицу. Насобирила щепок, взяла из поленицы несколько поленьев потоньше – для костра. Выбрала чурбан побольше, чтобы сидеть. Села, взяла утку, стала разглядывать. Как он сказал? Чирок? Почему чирок? Утка как утка... «Серая Шейка». Она провела пальцами по перышкам. На них осталась кровь. Попробовала выдернуть перышко и поняла, что вечерять ей не удастся...

Тоська улыбнулась своим воспоминаниям и искоса поглядела на Платона...

...А он тогда усмехнулся, протянул ей ключ от избы, коробку спичек и уехал.

Сегодня он вез человека с другой планеты. Дикая какая-то, тонконогая. Всего боится! Испугалась, думала грабить буду или еще чего... Да чо там грабить! С одним чемоданишком! Даже чо исть с собой не взяла. Не озаботилась...

Он зашел к себе в дом, прошел на кухню, включил свет.

– Ты чего? – вышла сонная жена в ситцевой ночнушке.

– Да вот училку привез. У нее исть ни хрена нету. Дам ей чо-нибудь.

– Сала возьми! С ледника.

– Да я чирка подстрелил. Похлебку приготовит. Юрка спит?

– Да, весь день гонял где-то... Еле домой загнала...

– Ну, иди ложись... Не жди... – он взял котелок, ложки, соль, лук, лаврушку, хлеб. Вернулся к избе, где во дворе задумчиво сидела та, с другой планеты, с чирком на коленях.

Запалил костер. И всё приготовил...

...Потом они вместе вечерали во дворе, у костра. Дым от костра разгонял комаров. Тоська ела необыкновенно вкусное, чуть жестковатое темное мясо, пила ароматный бульон и, смеясь, рассказывала Платону о своих сегодняшних страхах.

– Я же не поняла, зачем ты ружье взял, а потом в лес пошел...

– Ну...

И было все безыскусно и театрально, чего ей так не хватало в ее прошлой жизни. И чего она так и не получит в будущей...

Подъехали к аэропорту.

– Спасибо, Платон!

– Ну... Как вернетесь, звоните в правление. Приеду.

Он уехал. Подруги вошли в здание аэропорта. Вместе с остальными пассажирами погрузились в самолет и полетели в Новосибирск.

Тоська летела навстречу своей судьбе. Она в это верила. Роза вуду лежала вместе с бархатным платьем в сумке.

В Новосибирске

В аэропорту Новосибирска Полину с Тоськой не встречали. Приезд Полины должен был быть сюрпризом для родителей!

Они ехали по городу в троллейбусе. Тоська разглядывала пассажиров.

Городская девушка в аккуратно сшитом по ней пальто с норковым воротником и в норковой шапочке сидела прямо перед ней. Свежее, румяное от мороза лицо ее было спокойно, как бывает у человека, уверенного в себе.

Сапожки были в тон пальто, сумочка, перчатки – тоже.

Тоська вспомнила, как на последнем курсе института поехала в Москву, отстояла очередь в ГУМе за импортными сапогами. «Выбросили» разных цветов. Но, когда подошла ее очередь, остались сапоги только рыжего цвета. Жаль было потерянного времени. И Тоська взяла. В тон к ним ничего из одежды у нее не было. Тогда она перекрасила свою любимую, вязанную розами шапочку в рыжий цвет. На улице это выглядело ансамблем. А в помещении она брала шапочку в руку и таким образом уравнивала рыжее пятно сапог. Цветовой ансамбль она чувствовала интуитивно. Было у нее врожденное чувство композиции и стиля. Другое дело, что составлять ансамбль было не из чего. В магазинах ничего хорошего для рядовых граждан не было. А она была из семьи рядовых – в смысле материального, не духовного. С духовным было всё в порядке. Мама переживала из-за своей непрактичности, старалась соответствовать деловитости соседкам и коллегам по добыванию дефицита. У нее это не получалось: заводить нужные знакомства она не умела.

Девушка напротив была не рядовой гражданкой. Она и вышла из троллейбуса в квартале красивых, парадных домов.

В таких кварталах были свои гастрономы, в которых отоваривались ухоженные интеллигентные женщины с гладкими полными лицами в норковых шапочках и солидные мужчины в каракулевых «пирожках». Они всегда были учтиво-вежливы, но требовательны к продавцам в накрахмаленных, как у поваров, колпаках. Как-то Тоська, еще будучи студенткой, оказалась в подобном гастрономе и услышала разговор «пирожка» с «норкой». Речь шла о шкурке дефицитного окорока, которую продавцы, оказывается, обязаны были снимать перед его реализацией. Обычные рядовые покупатели этого не знали и не привередничали, хватали окорок со шкуркой, радуясь, что «выбросили» деликатес и им повезло напасть на него.

Родители Полины жили в районе кирпичных серых пятиэтажек, без парадных лепных украшений. В один из таких домов они и направились.

За дверьми квартиры родителей стоял праздничный шум. Дверь долго не открывали: из-за шума не слышно было звонка. Наконец дверь распахнулась: «Увезу тебя я в тундру, увезу к седым снегам...»

– Спасибо. Мы только оттуда, – в никуда ответила Тоська, и под звуки песни они вошли в полутемный коридор с гирляндой тусклых разноцветных лампочек под потолком. Сюда же вывалилась толпа празднующих. Среди них были родственники и родители Полины. Казалось, что они не понимали, кого встречают.

Полина выудила из толпы своих родителей и, как тряпичных кукол, прижала к себе. Прямо перед Тоськой оказались их лица, каждое одной щекой прижатое к щекам Полины. Они были как неподвижные маски с растянутыми в улыбку ртами.

– И отчаянно ворвемся прямо в снежную зарю-у... Э-эй-йа- э-эй-й-й!!!

Родители оторвались от Полины и вместе с танцующими гостями затанцевали назад в комнату в комнату, к телевизору, к следующей «Песне года».

– Средь шумного бала, случайно... – пропела Тоська и посмотрела на растерянно улыбающуюся Полину. – Что делать-то будем?

– Надо было их предупредить, конечно. Тонь, ты извини, что так получилось. Понимаешь, они у меня непьющие, но если выпьют – всё. Ничего не соображают! Не умеют пить. Да и устают. Они на заводе в цеху работают.

– Ну что ты, не извиняйся. Переночевать-то есть где? Чтоб им не мешать.

– Есть, конечно. Пошли.

Полина прошла вперед по коридору, толкнула дверь в комнату.

Вошли. Как будто попали в аквариумный уголок в зоопарке. Вся комната была заставлена аквариумами разных размеров. Один из них, как сервант, закругленный по углам, занимал полстены. Стекло с водой увеличивало, и казалось, что среди могучих волнующихся зарослей плавают огромные, как акулы, рыбы, разевающие рот, будто что-то говорящие. В других – рыбы, как экзотические бабочки, парили в воде. Работали компрессоры, бурлила вода. Светила подсветка. Было неуютно и прохладно: поддерживалась нужная для рыб температура воздуха.

– Они сюда не придут! Когда гулянки, отец сразу предупреждает, чтоб никто сюда ни ногой! Гости говорят: «Витька, мы знаем!» Отца Виктором зовут.

– Понятно. А спать-то где?

– А вон диван. Вон там, в самом углу. Узкий, конечно. Ну, ничего. Валетом уляжемся. Чем-нибудь укроемся...

– ...белой шкурою медвежьей от Кола Бельды... – пошутила Тоська.

Потихоньку вышли в коридор. Из открытой двери несло радостное нестройное пение: «Мы играем на гармошке у прохожих на виду-у-у...» По стенам комнаты закрутились тени: «У-у-у-уу...» Кто-то изображал прилетевший голубой вертолет. Веселье не утихало.

Умылись. На кухне поставили чайник на плиту. Заварили чай, сделали бутерброды. В углу на тумбочке в пятилитровой банке плавала маленькая рыбка. На толстом сером брюшке ее чернела точка.

– Она – беременная, – объяснила Полина. – Это – гуппи. Отец в форточку всегда курит, чтобы ей дым не мешал. Скоро она «затанцует», выпуская из себя мальков. И они тут же начнут самостоятельную жизнь.

– Не как у людей.

– Да. Им проще.

Захватив кружки с чаем и бутерброды, они вернулись в комнату к рыбам.

– Как в живом уголке! – жуя и оглядываясь вокруг, сказала Тоська.

– Это отец увлекается. Я привыкла. Мне даже нравится. Вот смотри сюда! Знаешь, что это за рыба?

В аквариуме плавала совершенно прозрачная рыба. Можно было увидеть ее скелет. Как на рентгене! И даже ее утробу.

– Это – стеклянный окунь. Загадка природы. Но такой он – только когда молодой. Повзрослеет и станет как все, – объяснила Полина. – Здесь много чего интересного!

И она стала показывать Тоське диковинных рыб.

– Сиамский разноцветный петушок. Правда, смешной? А вот – Лямиус Толстогубый. Губы как у нашего лаборанта Кольки. А вот смотри. Гурами Целующийся... Ути какой! Ну, давай поцелуемся, – засюсюкала Полина, прилипая к аквариуму.

– А золотая рыбка есть?

– А как же! Вон туда посмотри!

Среди густых зарослей зеленой и красной подвижной травы плавали, отсвечивая красно-оранжевыми оттенками чешуи, золотые рыбки. И вдруг из глубины аквариума таинственно появилась и тут же исчезла черная, с серебристой тусклостью рыбка в облаке дымчатой вуали, которая шлейфом тянулась за ней!

– Какая красивая! – ахнула Тоська.

– Это – вуалехвост, одна из разновидностей золотой рыбки, – пояснила Полина.

– Лучше – вуалехвостая... «И странной близостью закованный, смотрю за темную вуаль...» – протягивая звуки, продекламировала Тоська.

– Черная – самая редкая. По китайскому обычаю, в аквариуме должно быть нечетное число золотых рыбок и одна черная.

– И что тогда?

– Будет счастье, богатство и удача в семье.

– А у вас здесь нечетное число?

– Нечетное. Только не спрашивай, почему мы небогатые. Так мама всегда кричит, когда они с отцом ссорятся.

– И что отец отвечает?

– Молчит. Он всегда молчит. Что он скажет...

Тоська подошла к этажерке с книгами по аквариумистике. Их было много.

– Вот здесь – про золотых рыбок, – Полина протянула открытый журнал.

Тоська прочитала, что этих рыбок вывели в Китае. И что предками их были «серебряные караси». И еще – что только на острове Маврикий живут вольные золотые рыбки. Все остальные – в аквариумах. Это – грустно.

Она открыла сумку, чтобы достать халат, и наткнулась на платок с черной Розой. Развернула, и бумажные шуршащие звуки сложились в забытую Тоськой фамилию – «Шершнева».

– Шершнева! – обрадовалась она. – Как я про нее забыла? Поля, у вас телефон есть?

– Откуда? На улице есть телефон-автомат. А зачем тебе?

– У меня здесь подруга живет. Марина Шершнева. Я про нее и забыла совсем. Мы с ней вместе распределялись в Сибирь. Она сразу замуж вышла за какого-то начальника. Теперь здесь живет.

– Ты что, хочешь к ней поехать?

– Позвоню сначала. Мы же на этом диване вдвоем не уместимся! Ты хоть одна выплывешь. А?

– Конечно, Тонь. Ты извини меня.

– Ну что ты! Всё хорошо!

Тоська накинула шубу и побежала звонить.

«...Касил Ясь канюшину, пагляда-ал на дзявчыну...» – звонкоголосо заводили «Песняры» из комнаты с гостями.

Дозвонилась. Марина обрадовалась: «Давай приезжай, познакомлю с нужными людьми. Жду!» Продиктовала адрес, объяснила как доехать.

Тоська прибежала назад, взяла сумку, чмокнула Полину, по коридору провальсировала под Магомаева до входной двери и, уже закрывая ее за собой, увидела в щель вышедшего в коридор мужчину. Это был отец Полины. Виктор. Он обернулся на закрывающуюся дверь. Тоська быстро захлопнула ее во избежание вопросов и сбежала по ступенькам к выходу.

Пробегая по дорожке рядом с домом, над ее головой распахнулась широкая форточка, за стеклом блеснул огонь от спички, и в морозном воздухе запахло папиросным дымом...

«Это Виктор закурил, – остановилась она. – Да, вот его лицо... Курит в форточку... Бережет беременную гуппи...»

Потом высунулась мужская рука, сбрасывая пепел, и блестящие искорки разлетелись в вечернем морозном воздухе.

Тоська проследила за их полетом и побежала по скрипучему снегу к автобусной остановке.

Виктор глубоко вдохнул морозный воздух. Выдохнул, выгоняя хмель. Хмель не уходил. Промелькнуло то ли видение, то ли воспоминание о дочери... Вот, кажется, увидел ее... Вот совсем недавно... А где, когда? Не вспомнил... – мысли тяжело зашевелились в голове и пришли в привычное русло. Виктор стал думать о своих рыбках. О них он мог думать в любом состоянии. Аквариум был его страстью, любовью на всю жизнь!

Больше всего он любил гуппи. Виктор любил этих дружелюбных, разноцветных рыбок за их игривый, легкий характер. И еще за то, что своими узкими тельцами с роскошными хвостами и плавничками они напоминали ему подружек его молодости в летящих широких юбках плиссе из шелка модной расцветки. И в легких шифоновых косынках того же тона и рисунка. И характер у них был тогда такой же – легкий и игривый.

Виктор мечтательно вздохнул и выпустил дым.

А одна – удивительная! Виктор улыбнулся в форточку и, сдерживая излишнюю нежность, глубоко затянулся. Она стала его тайной любовью, потому что напоминала наряд его жены, когда он в первый раз увидел ее и пригласил на танец. Легкая, в мелкие складочки, широкая книзу белая юбка. По полю – черные пятнышки разной величины. Край – с черным ободком. И такая же косынка на плечах. Он до сих пор помнил ощущения шершавости шелка под пальцами. Они кружились в вальсе, юбка взлетала на поворотах... Она смеялась и придерживала ее рукой.

Давно это было.

Так давно, что он забыл, как жена смеется и радуется .

Виктор опять вытянул руку в форточку и стряхнул пепел. Завтра он собирался сходить к Сергею Леонидычу. Посмотреть на его хваленые фантастические экземпляры! Сергей Леонидыч жил в этом же доме над ними, на втором этаже. Он преподавал в институте сопромат, как он говорил, «сопромуть», и больше всего на свете любил разводить рыб. Его жена каждое воскресенье уходила к своей матери. Тогда Виктор поднимался к ним. В эти дни квартира превращалась в мужской клуб по страстям. Если визит Виктора начинался с приготовленного хозяином сюрприза – фантастического экземпляра, который вызывал восторг и дальнейшее бурное обсуждение, то про приготовленную в холодильнике бутылку «Московской» вспоминали только к концу визита. Сергей Леонидыч обсуждал сюрпризы темпераментно, с ярким вдохновением, не растраченным на лекциях по «сопромути». Виктор выплескивал свои эмоции, скопившиеся от домашнего молчания, коротко и скупно и не так ярко и образно. Разница между ними только в том, что один привык работать языком, а другой – руками. Но здесь был их общий праздник. И стайки блестящих молодых гуппи, чувствуя настроение, носились по аквариуму разноцветным фейерверком!

Виктор последний раз затянулся, щелчком отправил окурочек в окно, закрыл форточку и пошел к гостям. Приоткрыл дверь к своим любимцам.

Рыбы спокойно плавали в аквариуме.

– Ну плавайте, плавайте... – Виктор закрыл дверь.

«...Благодарю тебя... за смех и за печаль... за всё тебя благодарю-у...» – задушевно вместе с Магомаевым пели гости. Жена медленно кружилась под музыку, закрыв глаза, то прижимая руки к груди, то плавно взмахивая ими, как балерина. Мерцала огоньками новогодняя елка. Огоньки отражались в больших стеклянных шарах.

Виктор подошел к елке, приблизил свое лицо к одному из них и засмеялся своему смешному верблюжьему отражению.

Подруга жила в большом хорошем доме в центре Новосибирска. Открыв дверь и увидев Тоську, она тут же представила себя на ее месте. В искусственной шубе, в валенках, с большой сумкой – в просторной прихожей удачливой подружки.

Только не это!

Она жалостливо обняла подругу, поцеловала, раздела и потащила в спальню.

– Переодевайся!

Стала в дверях, скрестив руки на груди, и участливо спросила:

– Ну и как ты там, в деревне?

– Нормально, – только и ответила Тоська, стягивая через голову вязаное платье.

– А ты как?

– Меня мой Генрих в такую школу устроил! – взмахнула руками Марина и уселась на пуфик перед трюмо. – Ты себе и представить не можешь! Школа престижная. Для детей больших людей! Элита! Все туда рвутся пристроить своих чад. Но у нас только строго по знакомству! Тонь, а какие подарки родители делают! О-о-о... – закатила глаза Марина. – Тонь, ко всем праздникам! Ко дню рождения! А что делается первого сентября!

Марина взяла себя руками за голову, изящно растопылив пальчики.

– У них, у родителей каждого класса, даже соревнование по подаркам учителям! И между родителями – тоже! Вон посмотри, в углу свалены... У меня и так всё есть... И есть кто может достать...

Тоська оглянулась на лежащие на полу разноцветные коробки с яркими блестящими бантами.

– И ты что? Даже не посмотрела, что за подарки?

– Не-а... Потом. Вот лучше глянь, что мне Генрих подарил.

Она выдвинула ящичек трюмо, бережно взяла какую-то вещицу и протянула Тоське:

– Смотри!

На ладони Марины лежала изящная старинная шкатулочка.

– Что это?

– Красиво? Это – антиквариат! Семейный. Генриха.

И, подумав, как будто вспоминая, сказала:

– По периметру крышки – драгоценные камни! По бокам – эмаль... и канфарение...

Запнулась и гордо добавила:

– Камни настоящие! Очень дорогая!

– Похожа на пудреницу. Или это – табакерка?

– Не знаю. Еще не придумала, как ее использовать. Пусть пока так лежит.

Марина забрала коробочку у Тоськи, положила в ящичек и задвинула его.

– А что такое канфарение?

– А черт его знает! Так Генрих сказал, а я запомнила. Мы теперь антиквариат собираем. Только настоящий. Старинный! Кое-что Лавский подкидывает. Он директор комиссии. Я тебя с ним сейчас познакомлю. Но и Генрих сам может. У него, знаешь, какие связи! – болтала, не останавливаясь, Марина. – Представляешь, оказывается, в Сибирь многих сослали...

– Ты про декабристов? Только узнала? – улыбнулась Тоська и натянула на себя бархатное платье. Подошла к Марине:

– Застегни молнию!

– Нет. Про них я знаю, – Марина с вжиком потянула молнию вверх. – Готово!

Опять уселась на пуфик и продолжила: – Я про тех, кого при советской власти... Врагов-буржуев...

– И что? – Тоська всунула ноги в туфли на каблуках, подошла к трюмо, согнала с пуфика Марину, оглядела себя в зеркало.

– А то, что у них, как раз, и есть этот самый антиквариат. Смогли, вывезли! Надеялись на что-то... А в деревнях зачем эти безделушки нужны? Кто там в этом понимает? Вот Генрих мой...

– Повезло тебе с мужем! – прервала надоевшую болтовню Тоська, приводя лицо в порядок.

– Еще как! – не поняла ее иронии Марина. – А ты после деревни куда собираешься? Снова в школу?

– Не знаю пока, – Тоська стала начесывать волосы в прическу.

– Понимаешь, Тонь, в такие школы, как у меня, – только по большому благу. У тебя бла-то есть? Ну понятно. Вот то-то и оно! Хотя знаешь, Тонь, сейчас, говорят, в любой школе родители стараются учителей подмазать, чтоб с их оболтусами поаккуратней. Так что не пропадешь! Ладно, я – к гостям, а ты давай, заканчивай и приходи.

Марина, оттеснив Тоську от зеркала, поправила пышный парик, стремительно обгладила пальцами в перстнях свое длинное модное платье из пестрого ацетатного шелка. Тоська поморщилась от свистящего звука. Наэлектризованная ткань тут же облепила ее ноги. Марина завертелась, тряся подолом юбки.

– Электричество стряхиваю... – пояснила она. Довертелась и уже в дверях поторопила: – Давай скорее! Я тебя с такими людьми познакомлю!

Тоська достала шуршащую розу и приколотла ее на платье английской булавкой. Оглядела себя в зеркало, дала толстовский настрой: «Что за прелесть эта Тоня!» И пошла к гостям.

В просторной гостиной переливалась под огнями цветной гирлянды серебряная мишура на елке. Работал телевизор.

– Разбрэли-ись возлэ ти-ихой рэки-и

Васыльки-и, васыльки-и, васыльки-и-и... – звучало грузинское многоголосие ансамбля «Орэра».

Шла всё та же «Песня года».

Марина стала представлять Тоське гостей. Делала она это очень странно. Проговаривая скороговоркой имена-отчества, она обстоятельно рассказывала, что гость может.

Женщина в седом парике, корпусная в талии, работала в книжном магазине и могла доставать любые модные книги, вплоть до собраний сочинений. Она была похожа на беременную гуппи, которая плавала в пятилитровой банке из-под огурцов на кухне родителей Полины.

Рыжая тощая девица с толстыми полуоткрытыми губами, как будто ждущими поцелуя, работала в обувном, но могла, кроме импортной обуви, достать хрусталь и сервиз «Мадонна». Тоська окрестила ее Гурами Целующаяся.

Молодой человек с комком волос, в который упирался лоб, в ядовито-пятнистой сине-красно-розовой рубашке был ответственен за билеты в цирк, кино и филармонию. «Сиамский разноцветный петушок...» – мысленно назвала его Тоська.

Лямиус толстогубый с надменным взглядом водянистых глаз мог достать любой продуктовый дефицит. И не только. Он мог достать абсолютно всё. Даже югославскую «стенку». Юная, очень подвижная подруга его в блестящем облегающем платье была вылитым мальком гуппи.

Мужчина с лукавыми блестящими глазами под круглыми очками с сильными линзами, чем-то похожий на детского врача («пучеглазый телескоп» – тут же определила его Тоська), сидел на стуле, смешно скрестив короткие ноги, и что-то оживленно говорил полулежавшему в кресле директору центральной комиссии – сомус с нависшей верхней губой, шевеливший ею так, будто собирал со дна корм. Продолжая говорить, «телескоп» с интересом остановил свой взгляд на Тоське. И вдруг встал и наклонил в приветствии голову.

Тоська кивнула и протянула ему руку. А он (о боже!) поцеловал ее и сказал: «Рад знакомству!» «Надо же, какой воспитанный!» – улыбнулась ему она, убирая руку, потому что его

подруга («актриса театра», – шепнула Марина) тут же оказалась рядом. С фужером шампанского золотой вуалехвостой рыбкой проплыла она мимо, равнодушно-внимательно скользнув по Тоське отработанным сценическим взглядом.

И уплыла в сторону, вильнув вуалью воздушного розового пояса.

Марина взяла Тоську под руку и быстро утянула в сторону. «А он что может достать?» – автоматически спросила Тоська. Марина в ответ быстро прошептала: «Ничего! Спецраспределитель!» Тоська с уважением оглянулась на очкарика: «Значит, врач. Хоть один приличный человек в этой компании!»

Последним был толстолобик с такими полированными залысинами, что в них отражался свет хрустальной люстры. Что мог он, Марина объяснила как-то неразборчиво.

Потом Марина представила Тоську, как сельскую учительницу. И все сразу потеряли к ней интерес. Кроме «пучеглазого телескопа», который продолжал с интересом наблюдать за ней. Но «вуалехвостая» подруга его не теряла бдительности, держа его в поле зрения. Из чего Тоська заключила, что врач, хоть и приличный человек, но «ходок»!

– ...Улыба-аются лю-удям они-и-и... Песня закончилась.

Тоська вышла, зашла в спальню, сняла черную розу, убрала в сумку. И пошла по огромной, ярко освещенной квартире...

Заглянула на кухню.

Спортивного вида девушка с короткой стрижкой сидела за столом и лепила пельмени.

«Наверное, домработница», – подумала Тоська.

– Любите пельмени? Присоединяйтесь! – и, оглядев Тоськино бархатное платье, показала на кухонный шкафчик: – Там фартук. Возьмите.

Тоська послушно завязала фартук и села лепить пельмени. Возвращаться в комнату-аквариум к гостям-рыбам не хотелось. Приготовилась отвечать на дежурные вопросы: откуда она, почему в деревне... ох да ах... Врать не хотелось, правду говорить... Она вспомнила реакцию гостей.

Но «домработница» ни о чем Тоську не расспрашивала. Не потому, что неинтересно, а из такта. Это Тоська почувствовала. Был в ней какой-то стержень. Было воспитание. Была порода.

Они лепили пельмени и говорили о литературе. Она оказалась начитанной девушкой.

Из гостиной доносился шум гостей, потом – звуки рояля. Кто-то по-ученически плохо вспомнил сонатину Клементи. Потом прозвучал «Собачий вальс» в четыре руки. И, наконец, фальшиво был исполнен «Полонез» Огинского. Гости захлопали и опять зашумели.

Тоська с иронией прокомментировала репертуар. Девушка сдержанно улыбнулась: «Да, не Рихтер. Но здесь ведь и не филармония...»

– Вы правы, – признала Тоська, – дурацкая привычка всё ядовито комментировать.

– А, вот ты где! – на кухню вышла покурить Марина. – Уже успели познакомиться?

– Познакомились. Только не представились. Я – Нина.

– А я – Тоня.

– Ма-аленькая справочка о Тоне, – начала Марина, намереваясь повторить то, что сказала гостям про Тоську.

– Нет, как говорил Райкин, давай большу-ую справишу! – засмеялась Нина. – Мне Тоня уже все о себе рассказала. Я сейчас вернусь. Мне позвонить нужно.

Она вышла.

– А про Нину ты тоже всё знаешь?

– Нет. Она что? Твоя домработница?

– Да ты что! – Марина от возмущения не заметила, что сунула сигарету фильтром наружу и, чиркнув зажигалкой, подавилась дымом. Чертыхнулась, выбросила сигарету в открытую форточку.

– Ты что, правда не знаешь? Это же наша знаменитость. Капитан женской команды! Хоккей на траве! В федерации состоит!

Взяла новую сигарету, проверила фильтр, закурила.

– Слышала? У нее мама – ведущая актриса нашего театра.

Марина назвала фамилию.

– Знаешь такую? Нет? Ну и ладно. Я с ней через Гундяеву Лильку знакома. Лилька – тоже актриса. Да я тебя с ней сегодня знакомила. Красивая такая. Помнишь?

– Красивых не помню. Все страшные были, – отомстила вредная Тоська гостям. – На рыб похоже.

– На рыб? Да, если приглядеться, есть что-то... Особенно Дрисина. Она на сушеную стерлядь толстогубую похожа. Ой, не могу, – смеялась Марина. – А Лавский – на сома... Ой, Тонька, ядовитая ты, но глаз-алмаз... Молодец!

– А твой Генрих Осипович на какую рыбу похож? И где он? – вспомнила Тоська о муже Марины.

– Кстати, о Генрихе, – посерьезнела Марина. Затянулась последний раз и выбросила непогашенную сигарету в форточку. – Ты где ночуешь?

– Я думала у тебя. Что? Места-то вон сколько!

– Место-то есть, только мы завтра на дачу собираемся всей компанией. Ну ты понимаешь. У нас еще Гундяевы ночевать остаются. Они далеко живут.

– Господи, да ты постели мне где-нибудь. У вас столько комнат! Как в гостинице...

– Тонь, ну представь, завтра нам собираться, ехать на дачу, Гундяевы, опять же... А тут ты под ногами... Не обижайся. Но ведь так?

– Ну почему под ногами? Я утром встану и уеду. Куда я сейчас, ночью-то?

– Кто и куда ночью собирается ехать? – вошла на кухню Нина.

– Да вот Тоньке ночевать негде. Мы завтра рано утром на дачу едем.

– Тоня, а поедем к нам. У нас большая квартира. Места хватит. Мама будет рада.

– Спасибо. Если это удобно.

– Удобно, удобно...

– Нина, только ты не подумай, что я Тоню прогоняю. Нет, пожалуйста, пусть остается. Просто ей самой будет неудобно: завтра рано вставать, мы будем спешить...

– Да ничего я такого не думаю. Сейчас Саша заедет на машине. И мы поедем к нам. Пойдемте одеваться? – обратилась она к Тоне.

– А пельмени? – вспомнила Марина.

– Мне нельзя. У меня спортивный режим. А Тоню я дома покормлю. Угощай своих гостей!

Марина задержала Тоську за руку: «Ты точно не обиделась?»

– Точно. Ну не обиделась! Не обиделась! – она освободила свою руку от Марины и вполголоса спросила: – А кто он, этот Саша? Муж?

– Не-ет... – с любопытством глядя на Тоську, протянула Марина. – Брат. Интересный... Неженатый... Стихи пишет! – голосом свахи проговорила она и, не удержавшись, насплетничала вполголоса: – У него с Лилькой, которая актриса... Ну я знакомила тебя с ней... У них роман был! Но сейчас уже всё! Она теперь с Антоном Львовичем...

– Это который в очках, врач?

– Ты что! Какой врач! Он больше, чем врач! Он может помочь в исключительных случаях, если... что такое случится. У него, знаешь, какие связи! Марина уважительно подняла указательный палец.

– А что такое может случиться?

– С тобой в этом смысле ничего не случится! – засмеялась Марина и подтолкнула Тоську.

– Ну, иди, переодевайся. Удачи!

Переодеваться Тоська не стала. Достала черную розу и снова приколола на платье. Игра началась, и роза откликнулась на нее, прошуршав «Са-ш-ш-а». Прошуршала такое знакомое имя! Так звали мальчика в школе, который был влюблен в нее. Они дружили. Давно это было...

Распрощавшись с Мариной, которую Тоська в очередной раз поклялась больше не знать, вышли на улицу.

Мороз тут же приморозил туфли к ее ногам. Ноги одеревенели. Начесанные волосы от теплого дыхания схватились морозом и стали похожи на вязаную шапочку из серебристого мохера. Такой мохер завезли осенью в сельпо. И она купила себе два мотка, чтобы связать крючком легкой ажурной вязкой берет и шарфик, как в журнале «Силуэт». Вязать крючком ее научила старушка-соседка в детстве.

Тоська стояла на одеревеневших ногах в примерзших к ним туфлях, в мохеровой шапке волос, в шубе из искусственного меха, которая продолжалась вниз черным бархатным платьем. Роза, привораживая, призывно выглядывала из полураспахнутой шубы... Представила себя со стороны:

«Анна Каренина отдыхает... – спрятала за спину сумку с валенками и одеждой, – ...в Ницце!» И улыбнулась.

Нина деликатно не замечала ее странностей.

Во дворе уже стояла машина «Победа». Из нее вышел высокий парень в дубленке. Нина помахала ему рукой, подхватила Тоську под руку, чтобы та не скovyрнулась с каблучков, и они заковыляли к машине.

– Саша, познакомься!

– Я – Тоня.

– Александр.

– Очень приятно.

– И мне тоже.

– Саша, я Тоню пригласила к нам в гости.

– Отлично! Давайте садитесь в машину, а то замерзнете! Вам помочь? – протянул он руку к Тоськиной сумке.

– Нет. Спасибо, – отказалась Тоська: из-за валенок сумка не закрывалась.

Они сели в машину.

– Слушайте, а ведь в начале декабря открылась выставка ледяной скульптуры, – вспомнила Нина. – Здесь рядом. В сквере. Давайте сходим. Когда еще сюда выберемся? А?

– Я – за! А Тоня? Как она на каблучках по снегу? Сможет?

– А у меня валенки с собой. Пимы, как у нас говорят в деревне.

– У нас так же говорят!

Тоська скинула холодные туфли, надела валенки. Повязала пуховый платок, примяв вздыбленные начесом волосы.

– Готова!

Вскоре они уже по аллее сквера.

Свет фонарей пробивался сквозь заснеженные ветки и освещал деревянные скамейки, на которых сидели ледяные люди. Один держал в руках книгу, читал ее сквозь прозрачные очки... А на сучках деревьев сидели ледяные совы, загадочно сверкая круглыми желтыми глазами.

– Как будто Снежная королева их заморозила. Сейчас очнутся и...

– Ух, ух ух, – заухал Саша и покатился по раскатанной ледяной дорожке.

– Э-эх, прокачусь...

Встал в конце дорожки. Растопырил руки. Спортивная Нина профессионально разбежалась, прокатилась до конца и даже еще подпрыгнула, перебрав ногами. Тоська подобрала свое платье, разбежалась и с визгом заскользила. Уже в конце, не устояв, замахала для равновесия руками, наступила на подол платья и, запутавшись в нем, влетела в расставленные Сашей руки. Он подхватил ее. Близко мелькнуло его смеющиеся лицо и глаза... как у Петровича! Прижал ее к себе. Она глубоко вдохнула близкий Сашин запах. От него пахло теплом, снегом и легким свежим ароматом. Такой знакомый запах...

Слишком быстро подбежала Нина. Стала отряхивать Тоську. Потом они взяли ее под руки с двух сторон. Тоська подхватила платье, и они солидно последовали дальше по аллее.

В центре сквера стояла большая ледяная ель.

Пошел снег. Но не мягкий, а колючий...

Колкие льдинки падали на висящие шишки-сосульки, и те отзывались легким звоном...

Прищурив глаза от падающего снега, они еще немного побродили, рассматривая ледяные скульптуры сказочных героев, а потом пошли к машине.

Ехали по празднично украшенному новогоднему городу. Саша включил кассету и, неразборчиво подпевая хриплому певцу, умело вел машину.

Над магазинами переливались разноцветными огнями неоновые вывески.

– Гастроном, – прочитала Тоська. – А здесь перед продажей снимают шкурку с окорока?

– Мама всегда приносит окорок без кожи, – удивилась Нина ее вопросу.

Тоська представила их маму: спокойную, полную, с гладким лицом, в норковой шапочке...

Подъехали к красивому дому с башенками, колоннами и лепниной на фасаде. Такие дворцы в 50-е годы были построены как образец будущего для всех граждан. Потом оказалось, что не для всех. Всех – много, а таких домов мало!

Вышли из машины. Тоська огляделась.

Ухоженный, освещенный двор с аккуратно расчищенными дорожками.

Вошли в парадное. В нем могла бы разместиться вся их деревенская школа! И изба-интернат в придачу. Консьержка с высоким начесом, похожая на Таись Матвевну, встретила их внимательным взглядом и, узнав, дружелюбно кивнула.

Поднялись на лифте. Стараясь не шуметь, вошли в квартиру.

Но из глубины коридора уже слышались легкие шаги...

– Нина, Саша, – раздался красивый женский голос, – ну почему же так долго? Дети, я волновалась...

Тоська выглянула из-за спины Саши.

В прихожей стояла худенькая светловолосая женщина в шелковом пеньюаре.

«Не полная, не гладкая...» – успела подумать Тоська.

– Вы не одни? Извините, я не одета.

И она исчезла.

– Это мама. Не беспокойтесь, она после спектакля всегда перевозбуждена и долго не может заснуть. Она в театре служит. Раздевайтесь. Я вам помогу.

Они вошли в большую комнату. В двухкомнатных «хрущевках» с дежурным набором мебели такие комнаты назывались залами. А здесь тогда что? Гостиная? Нет, зал с гостиной. Просторный, с высокими потолками и большими окнами. Овальный стол, стулья с высокими спинками. На столе – ваза с цветами. На стенах – картины в золотых рамах. Комнатный рояль. Небольшой стеллаж с книгами. А в глубине зала – высокая воздушная елка, украшенная, как в детстве, игрушками, конфетами, мандаринами, свечками.

«А книг-то у них немного для интеллигентной семьи», – отметила Тоська.

– Ну, познакомьте меня с нашей прелестной гостьей, – опять раздался красивый приветливый голос. – Меня зовут Ирина Николаевна.

Хозяйка была под стать интерьеру зала. Или – наоборот?

Одежда и прическа – как у английской королевы. Просто и элегантно.

Тоська однажды видела по телевизору прием у королевы. Дамы, одетые по этикету, приседали перед ней в полупоклоне и пожимали протянутые королевой кончики пальцев. Тоське тоже захотелось присесть в своем бархатном платье, склонив голову, пожать кончики пальцев Ирины Николаевны и сказать по-английски: «My name is Tonya».

Она, следуя этикету, спросит: «Are you okay, Tonya?»

И Тоська ответит, как положено: «I'm fine!» Эти две фразы Тоська запомнила, когда смотрела американский фильм на кинофестивале в Москве. Герои говорили своими голосами на экране, а переводчик через микрофон читал перевод. Эти фразы герои произносили так часто, что Тоська к концу фильма знала их наизусть.

– Меня зовут Тоня, – сказала она по-русски и, не удержавшись, сделала книксен. А потом от неловкости добавила: – Можно, как в школе: Антонида Екимовна!

Стало совсем неловко. Саша улыбнулся. А Ирина Николаевна как будто не заметила ее неловкости.

– Антонида! Красивое забытое имя! Осталось в памяти народной! – немного по-театральному произнесла она. – Так звали дочь Ивана Сусанина. Помните? – и напела: – «Не о том скорблю, подруженьки...»

– ...Я горюю не о том... – подпела Тоська.

– Если бы Сусанина звали Еким, то со школьным именем Тони было бы полное соответствие. А опера бы называлась «Еким Сусанин»! – пошутил Саша.

И они все вместе рассмеялись. Неловкость ушла.

– Я Тоню обещала накормить, – заглянула к ним Нина.

Отправились на кухню, которой бы больше подошло название «столовая». Из-за ее размеров.

Голодный Саша присоединился к голодной Тоське, и они вдвоем с аппетитом съели целую сковороду жареной картошки с грибами. Потом все вместе пили чай с вареньем, ели восхитительные пирожки. К удивлению Тоськи, пекла их сама актриса. Пирожки были все аккуратненькие, одинаковые, как из кулинарии.

– Не удивляйтесь, я очень люблю готовить. А пирожки с мясом, печенкой и визигой – мое коронное блюдо!

– Очень вкусно! Спасибо! Пирожки необыкновенные! – искренне поблагодарила Тоська. Пирожки она любила. Хотя сама так и не научилась их готовить. Ее мама была не очень искусной кулинаркой. Не было у нее на это ни времени, ни возможностей. Пирожки она пекла только с капустой, и в Чудо-печке. Иногда просто жарила на сковородке. Пирожки были неровные, разной величины. Тоська их очень любила, особенно свежими, горячими. Надрежешь плоский бочок... и кусочек сливочного масла – в золотистую капусту-начинку. Масло сразу тает. А сверху присыплешь солюшкой...

– Где мы уложим спать Тоню? Наверное, лучше в кабинете? Там ей утром никто не будет мешать своими хождениями. А я со всеми прощаюсь. Всем покойной ночи. Хотя уже почти утро... «Светает! Ах, как скоро ночь минула...» – удаляясь, продекламировала актриса.

Нина повела Тоську в кабинет. Тоська вошла и второй раз за сегодняшний день ахнула.

Просторная комната с высокими потолками была настоящей библиотекой. В несколько рядов – стеллажи с книгами. В глубине комнаты – письменный стол с красивой зеленой лампой и большой кожаный диван.

На нем Нина постелила Тоське постель. Включила и придвинула лампу поближе к изголовью.

- Дедова, «гвардейская», если почитать захотите.
- Вряд ли. Спать хочу. Очень устала за сегодняшний день.
- Я тоже. Покойной ночи, Тоня.

Тоська всегда говорила «Спокойной ночи». Покойной говорить было непривычно. Поэтому ответила, как привыкла, только «с» проглотила.

- Покойной ночи!

Нина ушла, закрыв за собой дверь.

Тоська сняла свое бархатное платье, легла. Вытянула усталые ноги. Полежала, потом, привстав на локте, с интересом разглядела настольную лампу. Солидная подставка из цельного куска оникса... «Гвардейская», сказала Нина. Наверное, из-за зеленого шелка на абажуре и желтой тесьмы с золотыми кистями. Как в музее!

Тоська, как кошка, потянулась, протянула руку и, нажав на кнопку, выключила лампу.

«Где ты была сегодня, киска?» – «У королевы у английской!»

Всё, что произошло с ней за этот день, вместилось в эти две строчки.

И она тут же уснула.

Проснувшись, Тоська прошлась по комнате, разглядывая книги.

В углу стоял шкафчик с множеством ящичков.

- Надо же – картотека... Как в настоящей библиотеке!

Она надела халат и выглянула в коридор. Было тихо. Спят или никого нет?

Тихонько прошла в ванную комнату. Умылась, привела себя в порядок. Вернулась в библиотеку, переоделась в связанное мамой платье. И пошла по квартире в поисках хозяев. На запах кофе заглянула на кухню. Урчала кофеварка. Саша доставал из кухонного шкафа чашки.

- Доброе утро, – сказала Тоська.

- Доброе...

«А про себя, небось, добавил: „Антонида Екимовна“». Тоська вспомнила, как вчера он улыбнулся, когда она так представилась Ирине Николаевне.

- А Ирина Николаевна с Ниной еще спят?

– Они уехали. Мамина подруга позвонила. Что-то у нее случилось. А меня оставили кормить вас завтраком и развлекать. Всё готово. Прошу к столу.

Они сели за стол и оказались почти лицом к лицу. Ну точный Блок... с портрета Сомова. Такой же домашний, толстогубый. Интересно, Блоку нравился этот портрет?

– Что, нашли сходство с кем-нибудь? – вдруг спросил Саша, улыбнувшись. Лицо и глаза сразу ожили, и сходство пропало.

- Да нет, с чего вы взяли?

– У меня мама – актриса. Она любит проверять на мне выразительность своего лица. Вот сейчас у вас было выражение ее лица в такой сцене. Героиня внимательно и нежно смотрит на героя и пытается вспомнить, кого он ей напоминает. Вспоминает. И герой ей становится ближе и понятнее. Она успокаивается и начинает пить кофе. Чего и вам желаю. Берите пирожки.

– Спасибо! – Тоська отхлебнула кофе. – А почему успокаивается? Может, настораживается? Герои разные бывают!

Откусила пирожок. С визигой... Запила кофе и продолжила:

– Только думаю, Ирина Николаевна сыграла бы этот эпизод тоньше, чем вы его трактуете. Думаю, вот так.

Тоська напряглась, вспоминая недавно прочитанный текст бородатого классика:

– Героиня смотрит на героя блестящими, казавшимися темными от густых ресниц серыми глазами. Смотрит дружелюбно, внимательно, как будто признает его...

– ...а герой видит сдержанную оживленность, которая играет в лице героини и порхает между блестящими глазами и чуть заметной улыбкой, изгибавшей ее румяные губы, – закончил он и засмеялся, увидев ее удивление.

– Не удивляйтесь. Анну Каренину мама репетировала дома. И про все эти серые глаза и румяные губы я слышал еще ребенком. Детская память крепкая. А вот вы как это запомнили?

– Мне по работе положено. Я в школе литературу преподаю.

– Ну, положено – одно, а знать – другое.

– Я еще и книги читаю.

– А, это меняет дело. Тогда вам должна быть интересна наша библиотека! Еще кофе?

– Нет, спасибо. Пойдемте книги посмотреть!

Они пошли в библиотеку.

– Вы как лорды английские живете! Тоську продолжало тянуть на английское.

Саша засмеялся:

– Эту библиотеку два поколения собирали! Дед начинал. Он лордом не был.

– А давайте представим, что мы... ну... какие-нибудь лорды. Вы – лорд. А я – лордиха. Леди.

Тоська приподняла воротничок платья и приняла аристократическую позу: сложила руки перед собой, как певица.

– Я вхожу и говорю: «Hey, Alex! Are you okay?»

А вы – мне: «Hi, Tonya. I'm fine!» Ну как? Похоже?

Новоявленный лорд рассмеялся.

– Извините меня за мой дурацкий смех, Тоня. У вас просто смешно получилось! Ну и потом... Так могли разговаривать какие-нибудь простые американские парни из... ну, скажем, «Полуночного ковбоя». Смотрели? Классный фильм. Там Дастин Хофман и Джон Войт в главных ролях. Но это неважно! Англичане, тем более, лорды, так, как вы это представили, не разговаривают.

– Ну и как же они разговаривают?

– Вы как лордиха, извините, леди, заходите в библиотеку и видите, что ваш муж, лорд, чем-то удручен. Вам он уже давно неинтересен, но, будучи леди, вы спрашиваете его: «Are you all right, darling?» – на хорошем английском, высоким голосом леди, сказал он. А я как лорд, но уже не старающийся быть джентльменом в глазах старой надоевшей жены, отвечаю: «Quite well, thank you». Потом я одеваюсь, чтобы выйти из дома, а слуга спрашивает меня: «Сэр, если леди пошлет меня за вами, скажите, где вас не надо искать?» Это такой английский юмор.

– Дарлинг, а вы не помните, когда у вас последний раз горели уши?

– Это такой русский юмор?

– Это такой серьезный вопрос! Ответьте со всей ответственностью!

– Отвечаю! По старинной примете, леди, если горят сразу оба уха, то это указывает на то, что кто-то вас вспоминает. Причем это воспоминание очень сильное. И еще – уши горят к скорой встрече с тем, кто о вас думает.

– Ну и... У вас-то как, сэр, с ушами? Горели?

– Горели ярким пламенем! Совсем недавно. Но это не вы, леди, меня вспоминали, к сожалению. Потому что мы еще с вами на тот момент не были знакомы.

– Как знать! А предчувствие... – лукаво начала Тоська и, помедлив, замолчала, не зная, рассказывать или нет про свой ритуал привораживания.

– Предчувствие... – Сашин взгляд вдруг стал каким-то отвлеченным. Он как будто ушел в себя, нахмурился, а потом чему-то улыбнулся и начал быстро говорить, словно куда-то спешил:

– Ну, леди, какие книги вас интересуют? Что вам показать? Или вы сами управитесь? Сами? Вот и чудесно. А чтобы меня, как лорда, не искать там, где меня нет, говорю: меня не надо искать в моей комнате. Мне надо немного поработать. Я вас покидаю!

Он чинно поклонился, наверное, по-лордовски, вышел и закрыл дверь.

Его неожиданный уход озадачил Тоську. «Совсем как лорд от опостылевшей леди! Неужели я ему так быстро надоела? И про уши не закончили...»

Она постояла, чего-то подождала... Потом сделала книксен в сторону закрытой двери, показала язык и рассмеялась: «Надо было бархатное платье надеть! И розу нацепить! Тогда бы точно не ушел!..»

«А если б все-таки ушел?»

Представила себя в бархате с обвисшей от унижения розой и прыснула: «Вот тогда было бы обидно! А сейчас ничего... Переживу. Есть чем заняться!»

Она оглянулась на книги.

Подошла к стеллажам. Начала с полки на букву «А».

Взяла в руки маленькую книжечку. Иннокентий Анненский. «Кипарисовый ларец». Вторая книга стихов. Посмертная. «Гриф». Обложка художника – А. Арнштам...

Александр Арнштам. Тоська вспомнила это имя.

В сатирическом журнале «Сигнал», который редактировал Чуковский, кажется, в 1905 году, были рисунки именно этого художника. Потом его имя было связано с мирискусниками... Потом... Куда-то пропал. Больше это имя нигде не встречала.

Она открыла книгу, полистала, пробегая глазами по знакомым стихам...

А это что? Ксерокопия. Стихи, не вошедшие в сборник.

К портрету А. А. Блока

Под беломраморным обличем андрогина

Он стал бы радостью, но чьих-то давних грез.

Стихи его горят – на солнце георгина,

Горят, но холодом невыстраданных слез.

И подпись от руки: «Четверостишие, возможно, относится к портрету Блока кисти К. Сомова, репродукция которого была помещена в журн. "Золотое руно" (1908, 1)».

«Нет, – ответила Тоська на свой утренний вопрос, – не нравился Блоку портрет Сомова!»
Потом подумала и сказала менее категорично: «Ну не должен был нравиться!»

Время пролетело незаметно. Она дошла до конца алфавита.

Полка на букву «Х». В.Ходасевич. Она плохо знала этого поэта.

В институте было несколько факультативных лекций. Она открыла маленькую книжечку его стихов – «Путём зерна». 1920 год. Полистала... «Обезьяна»...

Стала читать.

Была жара. Леса горели. Нудно

Тянулось время. На соседней даче

Кричал петух. Я вышел за калитку.

Там, прислонясь к забору, на скамейке

Дремал бродячий серб, худой и черный.

Серебряный тяжелый крест висел

На груди полуголой. Капли пота
По ней катились. Выше, на заборе,
Сидела обезьяна в красной юбке
И пыльные листы сирени
Жевала жадно. Кожаный ошейник,
Оттянутый назад тяжелой цепью,
Давил ей горло. Серб, меня заслышав,
Очнулся, вытер пот и попросил, чтоб дал я
Воды ему. Но, чуть ее пригубив, –
Не холодна ли – блюдец на скамейку
Поставил он, и тотчас обезьяна,
Макая пальцы в воду, ухватила
Двумя руками блюдец...

Тоська прервала чтение. Перед глазами встала картина, как будто написанная густыми мазками: кадмием – красным – юбка обезьяны; сажей – сам серб, худой и черный; белилами отсвечивает на его груди серебряный крест...

Мысленно рисуя, Тоська еще раз медленно прочитала вслух тягучие, нерифмованные строчки... И они что-то напомнили ей! Что? Еще раз прочитала, вспоминая...

Вспомнила!.. Она взяла томик Блока, нашла... «В дюнах».

А вот с этих строчек Ходасевича, с этой статики картины, которую она увидела, начинается блоковская динамика...

...скрестила свой звериный взгляд
С моим звериным взглядом. Засмеялась
Высоким смехом. Бросила в меня
Пучок травы и золотую горсть
Песку. Потом – вскочила
И, прыгая, помчалась под откос...
Я гнал ее далёко. Исцарапал
Лицо о хвои, окровавил руки
И платье изорвал. Кричал и гнал
Ее, как зверя, вновь кричал и звал,
И страстный голос был – как звуки рога.
Она же оставляла легкий след
В зыбучих дюнах, и пропала в соснах,
Когда их заплела ночная синь...

Тоська остановилась. В голову пришла крамольная мысль: заменить «платье» на «юбку» обезьяны и сочинить продолжение: что же сделал бродячий серб, худой и черный, когда обезьяна в красной юбке удрала от него вместе с поэтом?..

Она засмеялась, разложила на столе книги, открыла тетрадь...

В дверь постучали...

«Саша? Вспомнил обо мне?» – оглянулась она на дверь.

Нет, вошла Ирина Николаевна.

– Добрый вечер! Ну как? Не скучали? Не голодали?

– Ой, уже вечер... – Тоська взглянула на часы. – Нет, не скучала... У вас такая библиотека! Саша утром напоил меня кофе... – она с сожалением оглянулась на книги на столе.

Откладывается сочинение. – Ирина Николаевна, спасибо вам за гостеприимство! Но я должна ехать. К подруге...

– Нет, нет! Без ужина я вас не отпущу!

Она вышла из библиотеки и громко крикнула:

– Мы будем сегодня ужинать в зале! Всем помогать! Нина! Александр!

Накрыли стол в зале белой скатертью. Из горки достали тарелки, приборы, салфетки.

Гусь с яблоками, оказывается, уже истомился в духовке. Достали гусятницу, открыли крышку... Запах пошел необыкновенный! Тоська сразу почувствовала, что голодна.

«Это называется, Саша немного поработал? Весь день, что ли, его готовил?.. Запихнул гуся в духовку, и пусть томится. Чем же лорд остальное время занимался? Даже ко мне не заглянул!..» Тоська искоса взглянула на Сашу. Он был в каком-то приподнятом настроении. Чем-то воодушевлен.

«Ну не гусем же, как Паниковский! Гусь, даже такой, – проза жизни. А его воодушевление другое, возвышенное, похожее на вдохновение! Вон как кудрями взмахивает! Может, что сочинил? Поэму в стихах, музыку? Может, роман пишет?» – иронизировала Тоська, задетая его невниманием.

Ароматного, с золотистой корочкой гуся порезали на порционные куски и сложили как целого в большую фарфоровую гусятницу. Обложили по бокам затомившимися яблоками с лопнувшей кожурой. Достали из холодильника шампанское. Расставили фужеры.

– Мама, мне воду или морс. Я шампанское не буду. У меня режим!

– Ниночка, но пригубить-то ты можешь?

– Мам, ну каждый раз одно и то же. Я и гуся есть не буду!

– О Господи... Ну всё, всё. Не сердись! Молчу.

– Мам, раз Нинка не пьет и не ест, давай Дмитрия Харитоновича позовем для компании!

– А почему бы и нет? Я сейчас ему позвоню.

– Не надо. Ты его только испугаешь. Он подумает, что у нас торжество и надо соответственно одеться. И постесняется. Не придет. Я сам схожу за ним. Скажу, что зовем просто, по соседски, скоротать вечер...

– Хорошо. Ступай. Пригласи.

– А кто этот Дмитрий Харитонович? – спросила Тоська, когда Саша ушел.

– А... Это очень интересный человек. Доктор психологических наук, профессор. Преподает в нашем университете. Мы уже знакомы сто лет. Соседствуем. Суперанский Дмитрий Харитонович. О-очень милый, интеллигентный человек. Не без странностей, конечно, как и все профессора. Он вам понравится.

Александр же, сказав, что надо сходить за профессором, а не звонить ему, на самом деле лукавил. У него к профессору была личная просьба, о которой никто не должен был знать. Он изложил ее Дмитрию Харитоновичу на лестнице. Дмитрий Харитонович обещал постараться.

Профессор пришел в старенькой фланелевой рубашке в клетку, домашних брюках и тапочках. Несоответствие одежды и торжественного стола его несколько не обеспокоило.

Учтиво поздоровавшись со всеми, он подошел к Тоське.

– Дмитрий Харитонович. Сосед.

– Антонина Акимовна. Учительница русского языка и литературы, – официально представилась она: профессор все-таки, – но можно просто Тоня. И опять не удержалась, сделала книксен.

– Преподаватель философии и социологии. С вашего позволения, коллега, – профессор шаркнул тапочками и по-гусарски боднул головой, так что чуть не слетели очки. – Но, думаю, вам будет не с руки называть меня просто Димой.

– Давайте-ка за стол. Гусь стынет. Шампанское греется, – пригласила Ирина Николаевна.

Хлопнула пробка. Саша наполнил фужеры. Разложили гуся и яблоки по тарелкам. Хрустально чокнулись. «С Новым Годом!» Выпили искрящееся пузырьками шампанское.

И принялись за гуся!

Гусь был сочный и ароматный. Кисловатая, разваренная в гусином соусе антоновка таяла во рту.

– Вы уж извините мне мое старческое любопытство, Тонечка. Кому же вы преподаете русский язык и литературу?

– Я работаю в деревенской школе. Деревенским ребятишкам и преподаю.

– Любите литературу?

– Очень. Сегодня целый день провела в библиотеке Ирины Николаевны!

– Понимаю. Их великолепную библиотеку я давно знаю. А сами вы откуда будете? Еще раз простите старика.

Тоська сказала. Она не чувствовала никакого неудобства. Наоборот, ей даже льстило внимание профессора.

– Вы замужем? – выдержав укоризненный взгляд Ирины Николаевны, спросил профессор.

– Нет.

– И не были?

– Нет.

– Ну а жених, конечно, есть?

– И жениха нет.

– Не думала, Дмитрий Харитонович, что вы так любопытны. Налейте-ка, налейте бокалы полней! – пропела она своим чудесным голосом.

– Всегда восхищался вашим талантом, Ирина Николаевна! Для меня вы были всегда...

– Зачем столько слов, когда бокалы полны? – театрально воскликнула актриса.

Тоська подумала, что Ирина Николаевна могла бы замечательно сыграть пани Контти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.